

Александра Флид

Семь портретов

Александра Флид
Семь портретов

«Издательские решения»

2015

Флид А.

Семь портретов / А. Флид — «Издательские решения», 2015

Рита уходит от мужа в жестокое время, когда разводы считаются неприемлемыми в приличном обществе. Оставшись в одиночестве, она понимает, что у нее нет своих друзей, нет родственников и каких-либо перспектив. Артур работает в кондитерской, снимает одну меблированную комнату и старается не сближаться с окружающими. Но однажды его внимание привлекает грустная женщина, которую он видит на оживленной улице. Странное знакомство перетекает в крепкую дружбу, за которой следует нечто большее.

© Флид А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	57
Глава 13	62
Глава 14	67
Глава 15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Семь портретов Александра Флид

© Александра Флид, 2015

© Ольга Флид, фотографии, 2015

© Джулия Маргарет Кэмерон, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Рита. Новый дом

Окна в обрамлении бордовых бархатных занавесок казались слишком тяжелыми и мрачными. Да и вообще, вся комната навевала какое-то странное унылое настроение. Рита огляделась вокруг, а потом опустила сумку на пол и прошла дальше.

Это только начало – дальше есть еще две комнаты, а за ними кухня и выход во внутренний двор. И все же, отсутствие прихожей делало гостиную какой-то слишком открытой и нелепой одновременно.

Жаловаться не на что – она сама этого хотела. В конце концов, не у всех в этом мире вот так сразу после развода могут найтись деньги для собственного дома. Для женщины с ее внешностью и опытом самостоятельной жизни подобный дом был вообще роскошью. Нужно лишь дождаться Робби. Скорее всего, он придет после школы – это в четыре часа пополудни. До этого времени она уже успеет приготовить обед и застелить кровать в его комнате.

Кстати, которая из двух будет принадлежать ему?

Рита вздохнула и прошла через гостиную, направляясь в дверь, расположенную прямо напротив входной. Проходная гостиная, как мило.

За дверью сразу открылся короткий коридор, по обеим сторонам которого были двери, а на другом конце, напротив этого порога, открывался вид на выход к заднему двору. Три параллельные двери. Некая закономерность или даже упорядоченность присутствовала во всем, и это тоже ее успокаивало. По крайней мере, в этой части дома не было темных обоев коричневого оттенка и тяжелых резных рам. Она толкнула дверь влево, входя в первую комнату.

Здесь тоже было темно, поскольку единственное окно никак не получалось назвать большим. Впрочем, возможно, все дело было в том, что на улице стояла пасмурная погода, и уже который день собирался дождь. Рита оглядела небольшое помещение – вдвое меньше гостиной – и одобрительно кивнула. Эту комнату легко исправить. Кровать стояла прямо под окном, а стол находился у противоположной стены. И кому пришлось в голову ставить стол в темной части и без того не слишком светлой комнаты?

С этим можно было разобраться позже, когда придет Робби. Сейчас ее волновала вторая комната.

Деревянные полы почти не скрипели – хороший знак. Не придется делать ремонт и перестилать половицы.

Как и следовало ожидать, вторая комната была точным отражением первой. Не дом, а какой-то праздник симметрии и параллельности. Двери комнат располагались друг напротив друга, и сами помещения представляли собой зеркальных близнецов. Даже окно находилось там же, и было точно такого же размера, как и в «левой» комнате.

Ничего интересного или необычного. Дом пустой, простой и скучный. Как раз то, что надо. Очень похоже на то, что творится в душе.

Цветы привезли уже в десять часов – завидная пунктуальность, которая поразила ее до глубины души. Стук в дверь застал ее врасплох – она как раз заканчивала мыть полы в коридоре, не надеясь, что нанятая команда грузчиков придет раньше двенадцати. Опоздание на два часа казалось вполне приемлемым, в то время как ответственное выполнение работы как раз наоборот – почти ненормальным. В итоге, встречать людей она вышла в длинном сером платье, подол которого был мокрым и измятым – пришлось подоткнуть его, пока она приводила в порядок две маленькие комнаты.

Куда поставить цветы? Она и сама толком не знала, поскольку еще не успела освоиться в этом доме. Поэтому все громадные горшки были переставлены на задний двор, где сгруппировались в непонятную кучу зелени и керамики. Выглядело не очень красиво, но зато все ее любимцы остались при ней. Антон – муж, который еще не вполне стал бывшим – все равно не заботился бы о них должным образом. Да и вообще, ему, скорее всего, не были нужны цветы супруги, с которой он только неделю назад расторг брачное соглашение.

Всю работу грузчики выполнили всего за пятнадцать минут. Рита полагала, что на своем веку они повидали еще и не такой рабочий материал, а потому она спокойно расплатилась и поблагодарила их за то, что приехали вовремя.

Оставалось одно – завершить уборку и приготовить ужин. Все остальное на потом.

Было решено заселить Робби в «правую» комнату, потому что в ней были однотонные светлые обои, отчего она казалась несколько просторнее. Ребенку нужно свободное место, пусть даже оно и будет лишь визуальной иллюзией.

Кровать застелена привезенным бельем, полы сияют чистотой, и перенесенный из «левой» комнаты стол придвинут к окну. Завтра Робби привезет свои вещи, и сам все разложит, как ему нужно, так что ей здесь больше делать нечего. Единственное, о чем она жалела – отсутствие шкафа. Куда же мальчик будет складывать свои вещи и школьные принадлежности?

Об этом нужно было подумать позже. О многом следовало подумать.

Кухня оказалась пристройкой, но она действительно располагалась за двумя жилыми комнатами.

Рита сменила платье и прошла на улицу. Внутренний двор, обнесенный деревянным забором, больше походил на тюремное подобие прогулочного пространства. Хотя, ей было сложно судить, поскольку она никогда не видела тюремных дворов в реальной жизни.

Цветы, которые сгруппировались в дальнем углу возле полуразрушенной беседки, выглядели еще более жалко, но она уже знала, что потом они оживят это место и сделают его более ярким. Позже, когда она сумеет восстановить беседку и превратить ее в оранжерею, каждый из них найдет свое законное место. Иначе говоря, она намеревалась сделать парник для своих цветов.

Она не хотела знать, чем занимались прошлые хозяева, и почему дом в таком ужасном состоянии. Все, что ей было нужно – это свободное место и время. И того и другого теперь было достаточно.

Боже, что же это, все-таки был за день! Она пришла домой от доктора, с которым обсуждала эффективность новой диеты, когда узнала, что ее жизнь походит на сюжет из сотни плохих бульварных романов, которые можно было легко купить в любом киоске. Экипаж остановился прямо возле двери, и она, заплатив кучеру, без стука вошла в дом, где провела последние пятнадцать лет.

Рита предпочитала брать конные экипажи – обходилось это удовольствие несколько дороже, но тогда она могла себе его позволить. Было в этом что-то красивое и неторопливое – ехать по городским улицам, разглядывая прохожих и витрины уже давно знакомых и изученных магазинов. Вымощенные камнем тротуары, автомобили, цветочные и овощные лавки – все это было таким знакомым и милым. Она с удовольствием любовалась городским пейзажем каждый раз, проезжая по знакомой дороге.

Больше в ту часть города она не вернется.

Антон был не один. Это было странно и не очень приятно, но Рита обнаружила, что не испытывает удивления. Скорее, она ожидала чего-то подобного, и от этого становилось еще более мерзко. Девушка выбежала из дома, и муж уставился на нее глазами подростка, которого забрали с вечеринки в шесть вечера.

– Что же ты нас не представил? – холодно спросила она, когда молодая женщина выпорхнула за порог.

Его взгляд был все таким же разочарованным и обиженным, а спущенные с плеч подтяжки довершали картину – он походил на ребенка, и она даже не могла разозлиться. Следовало ли сердиться на него за измену?

Боже, когда твоя жена весит девяносто килограммов и уже два года предпринимает безуспешные попытки избавиться от всего, что мешает свободно передвигаться, у тебя есть все основания для измены. Или нет? Рита не хотела об этом думать, да и, во всяком случае, сейчас обсуждать подобные детали было поздно.

– Ты же понимаешь, что мне противно даже находиться рядом с тобой в одной комнате?

Оказалось, Антон уже что-то оживленно говорил, видимо, оправдываясь или осуждая. И эти слова принадлежали ему, а не ей, хотя в данной ситуации было бы логичнее, если бы с такими разговорами выступала она.

– Понимаю, – кивнула Рита, глядя на покрасневшее лицо своего мужа. – Я все понимаю, милый, не спеши. Что еще ты хотел бы мне сказать?

Сложенный зонтик опустился на пол, присоединяясь к сумочке, которую она уже успела бросить. Накатила такая усталость, что даже препираться не хотелось. В конце концов, изменить ничего было нельзя.

– Издеваешься? – шепотом, видимо, потеряв голос от ее наглости, спросил он.

– Нет. Продолжай, если тебе хочется. Я выслушаю все, что ты скажешь, а потом уйду. Кажется, именно этого мы оба сейчас хотим.

– Ты, конечно, начнешь говорить, что пытаешься быть хорошей женой, и...

– Не начну я ничего говорить.

Рита потянулась к волосам и поправила шпильки. Неосознанное движение, которое выдавало ее в минуты, когда она чувствовала себя слабой и уязвимой. Волосы были единственным выигрышным моментом ее внешности, и она всегда следила за тем, чтобы они были в идеальном состоянии.

– Я пропустила начало твоего монолога, ты не мог бы повторить? – ощущая какое-то садистское удовольствие от его замешательства, медленно попросила она. – До того момента, когда ты признался, что тебе даже рядом со мной находиться противно.

Ей показалось, что он может ее ударить, чего, конечно же, не произошло. Он никогда не занимался рукоприкладством и очень редко повышал голос. Наверное, все дело в том, что ему просто было все равно, чем она занимается, и все ее слова обычно пропускались мимо ушей. Настал ее черед.

– Ты была красивой и такой невинной, когда мы поженились. Что с тобой случилось? Где та женщина, куда она исчезла?

Рита вздохнула, проходя дальше и отодвигая занавес в гостиную.

– Не хочу говорить в коридоре, давай в комнате.

До чего же дошло. У нее было свое кресло, у него – свое. Ничего общего. Что за дом, в котором у каждого человека свое место?

Черные подтяжки вернулись на плечи, верхние пуговицы рубашки застегнулись. Антон снова выглядел нормальным человеком.

– Куда делась прежняя Рита, – повторила она, словно раздумывая над этим вопросом. – Знать бы мне самой, милый, куда она запропастилась. Я вот тоже все ищу ее, и не могу найти. Я действительно, стараюсь, но она никак не хочет выходить из своего убежища. Если тебе нужна она, вряд ли ты найдешь ее, приводя домой разных девиц с улицы.

– Карина работает...

– Или сотрудниц своей компании – мне все равно. Если тебе нужна молодая и красивая женщина, то я все понимаю. Если тебе нужна именно прежняя Рита, то твои поступки весьма странно выглядят.

Это было все, что она могла ему сказать. Искать свою молодую жену в любовницах было глупо, и они оба знали об этом. А значит, часть вины лежит все же, не на ней. Это было здорово – вот так разом поставить диагноз и переложить долю ответственности на него.

Она растолстела, утратила свою красоту и перестала смеяться по утрам. Да, в этом заключалась ее вина.

Он захотел изменить ей и сделал это. Просто захотел. Это его часть ответственности.

Рита плохо помнила, о чем они говорили после этого, поскольку уже ничего не имело значения.

Удивляло то, что ей было все равно.

Боль пришла позже. Когда она, лежа в одной из комнат для гостей, замерзая и проклиная собственную слабость, начала плакать. Вот тогда и пришла настоящая боль.

Быть преданной, быть брошенной и опозоренной... что это значит? Пустые слова, которые не могли облечь в доступную форму все то, что она ощущала той ночью. Жалость к себе смешалась с горечью утраты, и Рита плохо понимала, отчего плакала в тот момент.

Не хотелось это признавать, но она все же любила мужа, и именно это злило больше всего. Собственные чувства заставляли смотреть на случившееся, как на нечто непоправимое, так что все казалось потерянным, утраченным и потемневшим.

Это состояние никуда не уходило.

Когда они договаривались о том, что она уедет в другой дом, когда делили вещи – она постаралась оставить в том доме как можно больше вещей – и даже когда приглашали юриста для того чтобы уладить все формальности, ощущение пустоты оставалось.

Она привыкла хорошо одеваться, держать спину прямо и говорить внятно, не используя лишних слов. Теперь строгие рамки, в которые она заключала себя все это время, казались ненужными.

«Почему ты так торопишься?» – спрашивал Антон, вертя в руках перо и не решаясь поставить подпись. «Хочу поскорее съехать», – отвечала она. Больше сказать было нечего.

Рита не любила много говорить, и даже будучи совсем молодой всегда держалась вежливо, но никогда не подпускала людей слишком близко. Муж был единственным человеком, которому она смогла довериться, и вот, теперь выходило, что этого тоже делать не стоило.

Робби пришел немного раньше, чему она также удивилась.

– Сегодня необычный день, – улыбаясь, сказала она.

– Почему? – без особого интереса спросил сын.

– Сегодня все приходит вовремя, – пояснила она, не надеясь, что он услышит эти слова.

Несмотря на всю свою холодность и невнимательность к матери, Робби предпочел жить с ней. Было неудобно вспоминать тот вечер, когда они сообщили ему о том, что собираются развестись. В семьях такого круга разводы были неслыханным делом, но она сама не оставила Антону выбора. С ее стороны это было жестоко и эгоистично, поскольку теперь он должен был принимать на себя все последствия расторжения брака, в то время как она просто выпала за пределы того самого круга и ушла в другую жизнь. Затаилась на дне, так сказать.

Наверное, Антона все же задело то, что Робби тоже не выказал удивления. Он просто вздохнул и, немного подумав, сообщил, что уйдет из дома вместе с матерью.

«Все в порядке, отец, просто я не буду жить в этом доме. Буду жить там же, где и мама».

Ей казалось, что он хотел добавить еще что-то, но удержался. Было бы интересно узнать, о чем он думал в тот момент. Робби рос похожим на нее – скупым на слова и очень осторожным.

– Что на обед? – немного позже, выходя из своей комнаты, спросил он.

– Жаркое.

– Ты очень давно не готовила жаркое, – пытаясь улыбнуться, сказал он.

Рита знала, что сын любит ее. Для этого ей не были нужны слова и заверения, она просто видела в нем это. Скорее всего, он и сам не осознавал, насколько привязан к матери. Однако его поступки и незаметные фразы согревали ей сердце, и она находила в них утешение даже сейчас, когда прошлая и такая знакомая жизнь скрылась за спиной.

– Я вообще давно не стояла у плиты, у нас была кухарка. Теперь буду готовить каждый день, так что тебе даже надоест, – рассмеялась она.

– В новом доме новые правила, – ответил он. – Я ко всему готов.

Вся жизнь теперь будет по новым правилам. Прощайте экипажи, оранжереи и бесцельные прогулки по магазинам. Рита намеревалась ходить пешком, ограничиться теплицей и покупать только то, что действительно нужно.

Глава 2

Артур. Мотоцикл и камера

Новенький мотоцикл на самом деле был стареньким, но хорошо отремонтированным. На другой просто не хватило денег, но по сравнению с тем, что у него было в прошлом году, Артур считал себя настоящим богачом. По крайней мере, ему больше не приходилось ходить пешком, и он мог ездить по улицам сколько душе угодно. Он всегда любил скорость, и не понимал, почему по их городу до сих пор разъезжают конные экипажи, когда автомобили уже успели узурпировать некоторую часть их привилегий. К примеру, новомодные «такси» решали все проблемы максимум за десять минут, и обходились вдвое дешевле.

Артур работал в кондитерской, совмещенной с магазином, так что, когда наступало затишье, он мог выйти на улицу, чтобы сесть возле витрины и поглазеть на прохожих. Разглядывать людей он любил всегда.

Впрочем, с появлением мотоцикла все изменилось – теперь он мог использовать коротенькие перерывы для того чтобы выезжать в город и наслаждаться быстрой ездой. И, хотя неторопливость прежних будней уступила место новым ощущениям, его привычка смотреть на людей никуда не исчезла.

Наверное, такая женщина привлекала внимание каждого, кто видел ее хоть краем глаза. В ней было что-то странное. Пешеходов тучного сложения Артур повидал немало, и половина из них были женщинами, так что внушительной фигурой его было не испугать. Однако неспешность и какая-то отрешенность выделяли ее из толпы спешащих прохожих, а потому, если он видел ее на тротуаре, то обязательно задерживался на ней взглядом.

Подобное происходило и прежде, и он никогда не думал, что это ненормально. Встречая на дороге людей вроде нее, он мысленно отмечал их, а затем просто забывал об их существовании до следующего раза. Они были для него кем-то вроде старых знакомых, с которыми он не имел никаких общих дел. К примеру, он наблюдал за тем, как взрослеет мальчик, который жил в одной из квартир дома, находившегося напротив магазина. Артур видел его каждое утро, когда тот направлялся в школу, и каждый раз отмечал настроение своего маленького «знакомо́го». Еще год назад мальчик казался ему совсем младенцем, но теперь в его движениях прослеживалась уверенность, присущая всем успешным школьникам. Исходя из этого, Артур делал вывод, что малыш завел друзей и нашел любимые предметы обучения. Он бы никогда не заговорил с чужим ребенком, так что проверить истинность своих предположений не мог. Впрочем, ему это было и не нужно – он предпочитал просто делать ничего не значащие пометки в своей памяти, а потом откладывать их до лучших времен.

Эту женщину он видел уже в третий раз. Перерыв, как правило, намечался всегда в одно и то же время, и его поездки также проходили в строгом порядке. Значит, эта дамочка в сером пальто тоже выходила на улицу только в определенное время.

Наверное, сказались эти проклятые мысли и рассеянность – на четвертый день он облил ее водой из новенькой лужи, образовавшейся как раз утром, после дождя. Это был первый раз, когда с ним такое случилось, поскольку с тех пор, как он стал ездить, дождь тоже шел впервые.

Артур ожидал, что она примется оттряхиваться и ворчать, но незнакомка остановилась, и, вместо того, чтобы начать чистить полы своего драпового пальто, просто вынула из кармана платок и собрала капли с поверхности. А потом отвернулась и пошла прочь, даже не взглянув напоследок в его сторону.

Ну, конечно, во всем был виноват мотоцикл. Артур ругал чертову машину все то время, пока ехал до магазина. Получилось неловко, хотя он и был рад тому, что женщина не стала

устраивать сцену. Единственное, что его корбило – она не заметила его извинений. Словно он вообще был пустым местом, и эта грязная вода просто сама разлетелась в стороны, забрызгав ее пальто.

Теперь Артур уже начал не просто останавливаться на ней взглядом – он внимательно следил за ней всякий раз, когда видел ее на улице. Нет, она не была безобразной или слишком уж толстой. Как казалось Артуру, в ней явно чего-то не доставало, и то, что он постоянно об этом думал, выводило из себя.

Несмотря на довольно бедную жизнь, временами Артур все же тратил деньги на вещи, которые другим могли бы показаться абсолютно ненужными. Так у него появилась фотокамера, которую он прятал от всех, с кем был знаком.

Фотографировать приходилось только в выходные, когда было можно выехать за город. Никаких толковых снимков еще не получилось – обычные пейзажи, которые всегда бывали чем-то испорчены – нависающими проводами, дымом от костров из опавших листьев. Всегда находилось что-то выглядевшее нелепо, и Артур просто откладывал получившиеся снимки в нижний ящик комода. Людей он еще ни разу не фотографировал, поскольку тогда пришлось бы объяснять, откуда у него взялась камера.

И вот теперь в его голове поселилась странная идея. Он решил, что должен обязательно сфотографировать эту женщину в сером пальто. Возможно, если бы у него появилась ее фотокарточка, он смог бы понять, почему она кажется ему такой странной. Невозможно разобраться в человеке, если видишь его только раз в день, да и то, всего несколько секунд.

Идея, которая поначалу казалась полным абсурдом, со временем становилась все более реальной и привлекательной.

Почему бы и нет? Он ее совсем не знает, она его – тоже. Можно просто остановиться и попросить ее...

В этом была самая большая проблема. Что он ей скажет? «Извините, я хотел бы сфотографировать вас»? Она сочтет его ненормальным, и тогда уж точно ничего не получится.

Разумеется, он пытался запрячь эти мысли подальше, насмехаясь над собой и временами даже начиная думать, что сходит с ума. Было совершенно непонятно, почему он нашел ее такой интересной. Незнакомка была, очевидно, намного старше него, замужем (кольцо на пальце он заметил, когда она вынимала платок), да и наверняка весила никак не меньше центнера. И все же, ее образ не давал ему покоя, и являлся ему даже во сне, пока он не решил, что этому нужно положить конец. Или начать ездить другой дорогой или просто подойти и попросить ее попозировать для снимка. После долгих колебаний было решено, что лучше сменить маршрут.

Наверное, она его преследовала. Он увидел ее уже на следующий день – она выходила из магазина, держа в руках небольшой бумажный пакет. Этого было достаточно, чтобы он остановился у обочины и, вздохнув, направился к ней.

Он не знал, о чем с ней заговорит, и вообще, с чего начнет разговор. Просто он был уверен, что если не подойдет к ней сейчас, то потом у него просто не хватит смелости.

– Добрый день, – поправляя кожаную куртку, осторожно поприветствовал ее он. – Может, вам нужна помощь?

Женщина посмотрела на него и отрицательно покачала головой.

У нее было довольно привлекательное лицо с бледной кожей и большими темными глазами. Возможно, она была даже красивой, но это жутковатое застывшее выражение во взгляде смутило Артура настолько, что все заготовленные для следующего предложения слова просто улетучились из головы, как будто их там и не было.

– Спасибо, – спокойно проговорила она, давая понять, что оценила его намерения, но не собирается принимать его помощь.

Глубокий низкий голос – приятный на слух и тоже без особых эмоций.

– Я просто... не знаю, помните ли вы...

Он снова потерялся, потому что женщина смотрела прямо на него, и он не мог понять, раздражает ли ее такое глупое поведение или она просто внимательно слушает.

– Помню. Вы не виноваты, я не погибла, и никто другой тоже не пострадал. Просто забудьте.

– Но я... я чувствую себя неловко.

Он поправил кепи, держась за козырек и шмыгая. Ему было просто необходимо занять чем-нибудь свои руки, а поскольку незнакомка не отдавала ему свой пакет, пришлось обойтись головным убором.

– Ничего страшного, все пройдет. Благодарю за предложенную помощь, но я должна идти.

– Может, мне вас подвезти?

Она повернулась и посмотрела на мотоцикл, отчего Артур почувствовал себя последним идиотом. Если бы она стала смеяться или отпустила какую-то колкость, то он, наверное, умер бы от стыда.

– Нет, спасибо, – улыбнулась она.

Фарфоровая улыбка. Именно так это и называлось – белая, холодная, гладкая улыбка. Не злобная и не язвительная, но и без доброжелательности.

– Вы... вы пропустите меня? – все еще улыбаясь, спросила она.

– Да, конечно. Простите за причиненные неудобства.

Ему еще не приходилось чувствовать себя таким идиотом. Никогда.

Незнакомка вежливо кивнула и сразу же воспользовалась тем, что он отошел в сторону, освобождая ей дорогу. Через несколько мгновений ее уже и след простыл, а сам Артур вернулся к своему мотоциклу и поехал обратно к магазину. Вышло еще более неловко, чем в прошлый раз с этой злосчастной лужей.

Конечно, были и другие плюсы – он, по крайней мере, смог разглядеть ее лицо, которое прежде всегда было спрятано под небольшими полями серой шляпки. Тонкие брови, большие карие глаза, красивые губы – лицо женщины оказалось даже более привлекательным, чем он мог рассчитывать. И от этого желание сфотографировать ее лишь усилилось.

Возможность запечатлеть момент, запоминать лица и пейзажи – вот что привлекало Артура в работе камеры. Она позволяла мгновенно сохранять образы, которые в следующий момент становились иными. Снимки были не слишком красивыми, но иногда он вынимал их из нижнего ящика и рассматривал, подмечая разные детали. Ему нравилось отмечать то, чего он не успел заметить, когда находился на месте.

Невозможно учесть все тонкости и запомнить каждую мелочь, даже если ты смотришь на местность безотрывно и пытаешься принять во внимание все, до чего могут дотянуться глаза. Зато после того, как все снимки отпечатались на бумаге, можно сложить их стопкой, а потом рассматривать, поднося к единственной лампе и отмечая незначительные моменты. Срубленное дерево, которое ускользнуло от глаз, когда он находился в роще, может привлечь внимание уже после того, как фото окажется в руках. На снимке можно разглядеть, что у старого моста через реку отсутствуют некоторые столбики перил или что в момент съемки над заброшенной беседкой пролетала большая птица. Создавалось ощущение, что он мог украсть один момент, дабы потом просто принести его домой и как следует изучить.

Возможно, эта неизвестная дама была такой же – нужно было лишь украсть ее лицо, а потом, через какое-то время, достать из ящика и внимательно рассмотреть. Ведь нельзя же

просто так таращиться на человека, тем более на незнакомую женщину, но можно сколько угодно глядеть на фото. Хотя каждый день по часу – никто не осудит. Никто вообще не узнает.

С другой стороны, он не мог обратиться к ней с такой просьбой. Ему и самому казалось, что это желание не совсем здоровое, а уж дать ему объяснение Артур и вовсе не мог. Что если она спросит «Зачем вам мой снимок?». Фотография оставалась редким и довольно дорогим удовольствием, а значит, парень, который прячет от других фотокамеру, может показаться странным. А уж если он изъявляет желание запечатлеть совершенно постороннего человека, причем абсолютно бесплатно...

Глава 3

Рита. Странный молодой человек

С тех пор, как они переехали в этот дом, прошло уже две недели. Рита привыкла к некоторым вещам и занятиям. К примеру, она приучила себя вставать каждое утро в шесть часов, а затем идти на кухню, согревать печь и готовить завтрак для Робби. Прежде этим занимались слуги, и за годы замужества она отвыкла от работы по хозяйству. Теперь следовало возвращаться к прошлой жизни, когда она жила только с матерью и сама заботилась о доме. К тому же, в школе, где она училась, главным предметом обучения для девочек было домоводство, и она завершила свое образование с безупречными оценками.

На кухне был установлен большой котел, в котором можно было кипятить воду на весь день, а затем просто поддерживать огонь на нужном уровне и использовать для своих нужд. Время от времени котел следовало заполнять водой – благо водопровод работал как надо.

Она сама делала покупки, убиралась в доме, готовила еду и стирала. Оказалось, что одинокая жизнь вовсе не так скучна и уныла – на грусть просто не хватало времени. Когда высвобождалась свободная минутка, Рита занималась своими цветами, а точнее устройством парника. В скором времени должны были наступить холода, и она торопилась – нужно было купить хорошую пленку и закрепить ее, чтобы она держалась должным образом и защищала ее любимцев от сырости и мороза. Она радовалась тому, что у беседки имелась целая крыша, о которой не нужно было заботиться.

На визиты к врачу не оставалось времени, а массаж для похудения стал непозволительной роскошью. Рита решила, что ей не нужна стройность, если все равно незачем выглядеть красиво.

Званные ужины и деловые встречи Антона остались позади, теперь нет необходимости надевать вечерние платья и вести себя как полная идиотка, любезничая с чужими женами. Эта опротивевшая ей жизнь закончилась, так что она предпочла расслабиться. Правда, иногда она все же задумывалась о том, что Антону, наверняка, стало намного проще жить. Теперь его могли сопровождать красивые молодые девушки – дочери знакомых и сослуживцев. Период слухов и сплетен пройдет очень быстро, и к Рождеству он будет полностью свободен.

Молодой человек появился как-то неожиданно. В первый раз ей удалось разглядеть его, когда он просто предложил ей помощь, остановив свою нелепую машину у обочины тротуара и подбежав к ней. Рита не любила привлекать лишнее внимание, но именно это сейчас и происходило – на нее смотрели все прохожие.

Очевидно, он просто хотел извиниться за то, что за несколько дней до этого обрызгал ее, проезжая мимо. Что ж, это был весьма благородный поступок, и она оценила всю его глубину, но помощь ей была не нужна. Она попыталась вежливо откланяться, оставив его на тротуаре и сбежав со своим пакетом. Лишь позже ей удалось понять, насколько необычным был этот молодой человек – он не только решил принести извинения, но еще и запомнил то, что в прошлый раз доставил ей неприятности. Таких людей Рита встречала все реже и реже, тем более что даже муж не считал нужным просить прощения за незначительные промахи.

Неужели на свете еще остались люди, которые могут запомнить ее и посчитать, что она заслуживает такого отношения? Некрасивая женщина всегда вызывала пренебрежение, и почти все окружающие предпочитали ставить себя выше нее. К этому Рита привыкла с большим трудом, но, в конце концов, ей удалось осознать, что на самом деле, она сама во всем виновата. Не стоило запускать себя до такой степени, медленно наблюдая за тем, как к ее телу прибавляются лишние складки и выпуклости. Уважающая себя светская дама должна была

сделать все возможное, чтобы не допустить подобного, а она позволила себе дожидаться критической точки, когда она опротивела не только окружающим, но даже и самой себе.

По этой причине случай с грязной лужей и брызгами не показался ей большим несчастьем – это была лишь мелочь, на которую она едва успела обратить внимание. Гораздо более неприятно было чистить пальто на следующий день, благодаря чему Рита и сумела запомнить эту досадную случайность.

Незнакомец с мотоциклом, казалось, искренне хотел ей помочь и загладить свою вину, а она оставила его в одиночестве, раскрасневшимся и сбитым с толку. Нужно было вести себя приветливее и дать ему понять, что она поняла его намерения и благодарна за внимание.

Рита знала, что в определенный момент в людях нужно поддерживать добрые начинания. Если этого не сделать, человек может измениться на всю жизнь, и его характер сложится иначе. Поэтому она решила, что если встретит его в следующий раз, обязательно улыбнется или сделает что-то в этом роде. Это было нужно просто, чтобы показать ему, что она ценит его намерения. Разумеется, если он еще не обиделся или попросту не позабыл о ней.

К своему удивлению, она встретила его уже на следующий день, когда вновь отправилась в магазин. Возможно, это было просто удачное стечение обстоятельств, ведь он мог оказаться где угодно, и она могла никогда больше его не увидеть.

Он будто только ее и дожидался – не будь она ужасного вида дамочкой средних лет, Рита бы непременно подумала, что он нарочно стоял на том же самом месте, где заговорил с ней в прошлый раз.

Проходя мимо, она задержалась на нем взглядом, и, увидев, что он поднял голову, просто улыбнулась, как старому знакомому.

«Я не сержусь, и вы ни в чем не виноваты», – хотела сказать она.

– Прошу прощения, ради Бога, – вдруг оживился незнакомец, снимая с головы кепи и поправляя темно-русые волосы, разделенные на косой пробор. – У меня к вам одна большая просьба.

Помня о том, что она решила держаться вежливо, Рита кивнула и остановилась.

– Я вас слушаю.

Парень явно растерялся.

– У меня есть фотокамера...

После этих слов, очевидно, должно было идти объяснение, но молодой человек снова замолчал, просто сжимая в руках кепку и хмурясь. Рита не понимала, к чему здесь фотокамера, и решила подождать, но пауза слишком затянулась, и он явно из-за этого нервничал.

– Если вы хотите сделать снимок, то я могла бы договориться со своим сыном – он еще учится в школе, и наверняка его друзья будут рады встретиться с вами.

– Нет, я хотел бы сфотографировать вас, – быстро возразил незнакомец. – Я Артур, – протягивая руку, наконец, представился он.

– Рита, – ответила она осторожно, пожимая его большую ладонь.

– Так вы согласны?

Она вздохнула.

– Артур, вы еще встретите людей, с которыми обязательно сможете поработать.

– Мне нужен ваш портрет.

Он смотрел ей прямо в глаза, и взгляд у него был такой же растерянный и несчастный, как и при прошлой встрече. Она вспомнила о том, что в тот раз обошлась с ним не очень приветливо, и, не раздумывая, согласилась.

– Хорошо.

Артур даже удивился – наверное, не ожидал, что она так быстро сдастся.

– И вы не спросите, зачем?

– Полагаю, вы сами расскажете, – предположила она.

– А если нет? Вы откажетесь?

– Не откажусь, – понимая, что начинает улыбаться, покачала головой она. – Где же вы хотите меня сфотографировать?

– Я не знаю... Вы можете назначить любое место – я обязательно приду. Только, мне бы хотелось, чтобы вокруг было поменьше людей, вот и все.

Что ж, с чего-то нужно начинать.

– Вы можете прийти ко мне домой. У меня есть замечательная гостиная, в которой достаточно света, если снять со всех окон занавески, – совершенно серьезно сказала она, наблюдая за тем, как Артур смущается и краснеет, видимо, не понимая, шутит ли она или действительно приглашает в свой дом.

– О, это очень любезно с вашей стороны...

– Я объясню вам, как добраться до нужного места, – стараясь говорить доверительно и тепло, сказала она. – Вам придется доехать до северной окраины города, а затем пройти через Пятый переулок и добраться до конца – последний дом принадлежит мне. Там слишкомлюдно для прогулок, но, кажется, вам именно это и нужно. Приходите вечером – день недели не имеет значения. А теперь, я, наверное, должна уйти.

– Вы согласны? – еще раз спросил он.

– Могу и передумать, если вы боитесь, – пожала плечами она.

Ей хотелось добавить: «Если вы боитесь, что я не помешусь в объектив», но она удержалась, понимая, что Артур и без того несколько сбит с толку.

– Я обязательно приду, – заверил ее он, и его лицо осветилось робкой улыбкой.

– Ну, тогда всего доброго и до вечера, – вздохнула она, уже начиная мечтать о завершении этой странной беседы.

Одной из причин, по которым она все же согласилась сфотографироваться, было то, что Рита не верила в серьезность его намерений. Она не ждала, что странный молодой человек действительно придет. Идея с фотографией вообще показалась ей чистым абсурдом – зачем тратить время и деньги на снимок незнакомой женщины? Если это был такой способ принести извинения, то он явно получался слишком дорогим.

И все же, стоило предупредить Робби о том, что одним прекрасным вечером на пороге их дома может оказаться незнакомый парнишка. Поэтому, встретив сына из школы, Рита сразу же завела речь о том, что с ней произошло.

– Знаешь, на днях со мной случилось нечто не очень приятное.

Робби удивленно поднял глаза – она впервые рассказывала что-то о себе.

– Что именно? – возвращаясь к тарелке, спросил он.

– Один молодой человек обрызгал меня, когда проезжал на своей странной машине. Ну, ты видел, наверное – вроде велосипеда, только с колесами побольше... как у автомобиля. И шумит почти также или даже сильнее.

– Мотоцикл, – подсказал ей Робби, который, разумеется, был лучше нее осведомлен о том, как называются последние изобретения.

– Да.

– Он хотя бы извинился? – ровным голосом поинтересовался сын.

– Да, в том то и дело, что он решил извиниться. Мы немного поговорили, и вот, теперь он хочет меня сфотографировать.

Робби опять оторвался от своей еды и внимательно посмотрел на нее.

– Сфотографировать? Он фотограф?

– Я не знаю. Скорее всего, нет.

– А кто же он?

– Сказал, что его зовут Артур. Больше мне ничего о нем не известно, – честно призналась она. – Думаю, он вполне мог купить камеру и просто так.

Робби пожал плечами, старательно делая вид, будто ему все равно, однако Рита точно знала, что он хочет что-то сказать. Судя по его попыткам скрыть свои намерения, слова, вертевшиеся у него на языке, были не очень приятными.

– Можешь говорить, ты меня не обидишь, – тихо сказала она. – Я ужасно выгляжу, я знаю. Просто не смогла ему отказать.

– Мама, я не думаю, что ты некрасива... но что если он захочет посмеяться над тобой?

Бедный Робби. Наверняка, за годы жизни вместе с Антоном, он прекрасно запомнил, как часто Рита становилась посмешищем.

Она с улыбкой разглядывала своего сына. Белая отглаженная рубашка, форменный черный жилет, аккуратно зачесанные назад волосы, школьный галстук. Обычно он обедал и ужинал дома, но после этого сразу же отправлялся к другу – у них была небольшая лаборатория, в которой они занимались своими исследованиями, ставили эксперименты и готовились к занятиям. Ей нравилось, как Робби выглядел в форме – он казался таким собранным и строгим, что ей порой сложно было видеть в нем обычного школьника. Рита часто думала о том, какой путь выберет мальчик, когда повзрослеет.

Антон хотел, чтобы сын начал изучать бизнес и со временем стал работать в его компании, но она всегда думала, что Робби более склонен к науке. Что ж, глядя на то, как стремительно начал меняться мир, наука все же играла большую роль и вполне могла прокормить человека. Автомобили, фотоаппараты, электрические лампы – все это было слишком странным и незнакомым. Рита до сих пор пользовалась простым масляным светильником в своей комнате и предпочитала отапливаться камином. Хотя, в новом доме камин был всего один – в гостиной, так что приходилось пользоваться небольшой печкой.

– С чего ты взял? – спросила она. – Считаешь, я настолько уродлива, что мое фото можно выставлять на улице для развлечения?

Наверное, ей следовало бы разозлиться – по крайней мере, другая на ее месте поступила бы именно так, но Рита знала, что страх Робби продиктован заботой. Он не хотел, чтобы кто-то насмеялся над ней, и поэтому старался предупредить ее.

– Нет, мама, – строго ответил он.

Какой же он серьезный.

– Хорошо, – все еще улыбаясь, кивнула она. – Но ведь что-то заставляет тебя думать, что он может использовать снимок для забавы?

– Молодые люди... они очень жестоки. Ты просто не знаешь, о чем говорят мои одноклассники, и что они могут сделать.

В классе, где он учился, было сорок мальчиков. Робби был средним по всем параметрам – по росту, по прилежанию и способностям. Однако она, как и любая другая мать, считала его особенным.

– Он немного старше, чем твои друзья, – сказала она.

– Если ты хочешь сфотографироваться, это твое дело, – устав спорить и оправдываться, вздохнул он. – Я просто хотел, чтобы ты знала.

– Спасибо, Робби, я учту твои слова, – медленно и серьезно сказала она.

Доля здравого смысла в них все же была.

Слова сына заставили ее задуматься. Может быть, этот Артур действительно не так хорош, как кажется? Она ведь его совсем не знает.

За годы замужней жизни Рита научилась общаться с людьми, и теперь либо боялась всех и каждого, либо была готова принять кого угодно. Почему-то она решила, что Артуру стоит

доверять и даже рассказала ему, где живет, что теперь казалось глупым и легкомысленным поступком.

Поэтому, когда он все же пришел к ней домой, она решила, что будет вести себя вежливо и постарается не обидеть его, но сфотографировать себя не позволит. Лучше держаться подальше от подозрительных вещей.

От калитки доносился звон маленького колокольчика — к ним пожаловал гость. Поскольку кроме Артура приходило было некому, Рита вздохнула и поднялась с кресла. Пришлось выйти во двор, пройти по узкой вымощенной камнями дорожке и открыть замочек, впуская нового знакомого в свой дом.

— Я не ожидала, что вы придете, — прямо сказала она, отворяя входную дверь и пропуская его внутрь.

Однако Артур остановился и сделал странный жест — он словно хотел сам войти последним и закрыть за ней дверь. Простые приличия, которые по ее опыту ничего не стоили. Подобное поведение казалось странным, учитывая, что она находилась в своем доме, и гостем здесь был он.

— Спасибо. — Раз уж гость решил соблюдать формальности, она ответила тем же.

Камера у него была с собой — на плече у Артура висела сумка, в которой явно находился небольшой предмет.

— Хотите чаю? — предложив ему устроиться в одном из кресел, спросила она. — Это не займет много времени.

— Нет, спасибо, — довольно тихо отказался он. — Я просто надеялся сфотографировать вас, а потом... не хочу приносить вам неудобства и стеснять своим присутствием.

Рита остановилась возле второй двери, а затем вернулась и опустилась в кресло напротив него.

— Мне очень жаль, но сегодня, кажется, неподходящий свет, — стараясь сделать так, чтобы ее голос звучал искренне, сказала она.

— У вас есть электрическая лампа? Иногда от искусственного света получаются очень хорошие снимки.

— В этой комнате лампа есть, — призналась она — но я не люблю ее включать. Предпочитаю пользоваться свечами. — Рита указала на тяжелый канделябр с четырьмя гнездами. — Иногда зажигаю масляные светильники.

— Удивительно, все уже давно используют электричество, — заметил Артур. — Это очень быстро и эффективно.

— Слишком ярко, пропадает некоторое очарование, свойственное вечерам и темному времени дня, — пояснила она, устраиваясь удобнее.

— Очарование?

Очевидно, ему загадочность и мягкость вечерних красок были не знакомы.

— Да. Мне нравится, что вечером некоторые места комнаты остаются во тьме — можно поставить лампу возле себя и вообразить, что ты один в целом мире. Если растопить камин, то и лампа не нужна — просто остается взять в руки любимую книгу.

— Но разве можно читать при таком тусклом свете? — удивился Артур.

— Конечно, можно. Еще каких-то двадцать лет назад люди даже писали при таком свете, и все было в порядке, — мягко ответила она.

— Мне тогда было шесть лет, я все равно не помню.

— А мне было пятнадцать, и я скучаю по тем временам.

Артур впервые посмотрел ей прямо в глаза, и Рита даже смутилась от такого открытого взгляда.

— Скучаете?

— Да. Разве не то же самое чувствуют все остальные, вспоминая времена своего детства?

Только сейчас она заметила, что усадила гостя спиной к главному окну. На фоне тяжелых бархатных портьер, старомодных рам и серого неба за стеклом, он казался слишком молодым и современным. Его бледная палевая рубашка, зернисто-серый пиджак и отсутствие галстука – все это не вписывалось в мрачную тайну просторной и темной гостиной.

– Я о нем не вспоминаю, – только и сказал он.

– Тогда прошу прощения, – просто извинилась она.

– Не стоит, все в порядке.

– Просто скажите, что мои извинения приняты.

– Хорошо. Ваши извинения приняты. Хотя, я вовсе не обиделся. С чего бы мне чувствовать обиду?

Рита поправила волосы, внутренне одернув себя за эту слабость. Сейчас мальчик не казался таким безобидным и простым, как днем или таким опасным и непонятным, как несколько минут назад. Он был сложным, и намеренно продолжал говорить, хотя она уже дала понять, что не задерживает его. Неужели ему так нужна эта фотография? Она решила поиграть еще немного – просто захотела выяснить, почему он не уходит.

Что если надавить сильнее?

– Вам виднее, ведь это именно вы предпочитаете не вспоминать о прошлом, – осторожно сказала она, внимательно следя за его лицом.

Артур ничего не ответил, и через несколько секунд она сочла разговор оконченным. Оставалось дожидаться, когда он поднимется и уйдет – за окном стремительно сгущались сумерки, а включать лампу она не собиралась.

– Поговорите со мной еще немного, – вдруг попросил он. – Раз уж вы передумали фотографироваться, дайте хоть поглядеть.

Рита вздрогнула и отвернулась.

– Зачем вам глядеть?

– У меня полно своих секретов, но здесь я, пожалуй, скажу правду.

– Отлично, я жду.

– Меня занимает ваше лицо. Или не только лицо? Весь ваш образ кажется мне странным, и я хочу понять, что именно так задевает меня, когда я вижу вас.

Подобная прямота заслуживала похвалы, но она не нашлась, что ему ответить.

Глава 4

Артур. История для Риты

Отчего-то он не слишком сильно расстроился, когда Рита не позволила сфотографировать себя в первый вечер. Конечно, он рассчитывал на хороший снимок, и ее поведение поначалу даже показалось ему раздражающим. Она не говорила «нет», но при этом держалась предельно осторожно и всеми силами давала понять, что никаких экспериментов с камерами не будет. Однако возможность находиться рядом с ней и внимательно смотреть на нее быстро изгладила из его памяти обиду, так что через несколько минут разговора он уже и думать забыл о фотографии. Они говорили довольно долго – пришлось даже зажечь свечи, пока она уходила за чаем. Женщина была еще более странной, чем он думал – она казалась совсем молодой, хотя ее телосложение, голос и манера поведения говорили ярче всяких слов.

Кроме того, она носила обручальное кольцо, но ни слова не сказала о супруге. Она не ждала никого к вечеру, и лишь в восьмом часу в дверь вошел ее сын, который, очевидно, знал, как открывать калитку снаружи. Мальчик не пожелал присоединиться к ним, но и не выказал неприязни к гостю. Кажется, его звали Робертом.

Почему же она казалась такой молодой? Загадочность Риты никуда не уходила даже когда она была занята вполне обычными делами – разливала чай или растапливала камин. Ему казалось, что женщина ее положения не должна заниматься такой работой, но он не решился спросить, почему она не держит горничную. Глядя на нее, нельзя было дать ей точной характеристики. Она не была бедной или богатой, красивой или уродливой, слишком умной или безнадежно глупой. В то же время, при разговоре она могла поддержать практически любую тему и с удовольствием выслушивала его слова. Никогда прежде он не ощущал себя так свободно и скованно одновременно.

Станным для него было еще и ощущение уверенности в своих словах, осознание того, что он может рассказать о чем угодно. При этом Артур не мог задать ей ни одного вопроса. Рита не была холодной или чопорной, но невидимая грань не позволяла ему переступить порог и проявить интерес к ее жизни. Почему она ничего не рассказывала о себе? Незначительные детали вроде возраста (о, да он запомнил, что ей тридцать пять лет) или предпочтений (не сторонница прогресса? любительница книг?) не прибавляли осведомленности.

Сам он успел довольно много рассказать о себе. К примеру, ему пришлось объяснять, что его всегда интересовали незнакомые люди, и он с детства запоминал некоторых прохожих, с которыми приходилось встречаться несколько раз. Он поделился своими детскими фантазиями, признавшись, что мысленно придумывал историю для каждого из своих «особых» пешеходов. Она попросила рассказать хотя бы одну из таких искусственных биографий, и он, на свой страх и риск, припомнил пару примеров. Рита не смеялась, она лишь спрашивала, отчего он делал тот или иной вывод.

– А можете рассказать хотя бы одну историю?

– О, это будет сложно. Я еще ни с кем этим не делился.

– Мне очень интересно, но если вы не хотите говорить, то не стоит. Я просто спросила.

– Нет, постойте... кажется, есть один интересный момент, о котором я могу говорить, не краснея. Когда мне было лет десять, я перешел в новую школу и стал ходить по другой дороге. По ней также часто ходил один старик. В его руках всегда была холщовая сумка, наполненная чем-то вроде небольших коробочек, довольно тяжелая на вид. Он всегда был совсем один, и я удивлялся, что рядом не было никого, кто помог бы ему принести сумку. Я наблюдал за ним примерно неделю, когда у меня в голове вдруг возникло предположение...

– Продолжайте, прошу. Очень интересно.

– Я подумал, что, наверное, у него больные внуки, и он каждое утро носит им лекарства в этих самых коробочках. А дети – почему-то я был уверен, что у него взрослая дочь – не могут выйти встретить его, потому что малыши не встают с постели. Я все думал, и дошло до того, что мне казалось, будто в коробочках какие-то микстурки, которые нужно принимать по три раза в дверь большими ложками, и оттого он каждое утро вынужден носить новые лекарства. Мне было всего десять, это просто глупые мысли маленького ребенка.

Рита покачала головой, загадочно улыбаясь – без звящего фарфора, как в первый раз – и вздыхая. Она ничего не сказала, но Артур не чувствовал себя глупо. Ему казалось, что она оценила эту историю, и вовсе не находит ее бессмысленной.

Артур никогда не считал себя любопытным, но теперь он страстно хотел узнать о ней как можно больше.

Поэтому, несмотря на то, что она не приглашала его и не говорила о повторной встрече, а также ясно дала понять, что не будет фотографироваться, он все же решил зайти к ней вновь. Выждав еще два дня, он вооружился сумкой и камерой, а затем направился по уже знакомой дороге, надеясь, что дом не окажется пустым.

По дороге он раздумывал о том, почему ему кажется, будто Рита не встречается с подругами и не приглашает в дом гостей, как остальные женщины ее возраста. Его также интересовал муж этой женщины, но он не мог набраться смелости и спросить напрямую, вдовствует ли она или просто ждет возвращения супруга после длительной поездки. Что за причины заставляли его думать, что Рита все же не замужем, невзирая на взрослого сына и кольцо?

Пятый переулок, находившийся у самой границы Северной окраины, начинался довольно широкой дорогой, по которой, вполне возможно, мог проехать автомобиль. В начале переулка дома были большими и представительными. Хотя деревья уже сбросили листву, в этих дворах чувствовалось присутствие жизни и веселья. Окна некоторых из них были обвиты поредевшим от глубокой осени плющом, а самый первый особняк и вовсе щеголял небольшой террасой с колонной галереей. Артур, со свойственной ему фантазией, решил, что здесь живут большие семьи, в каждой из которых воспитывается не меньше чем по три малыша. Низкие заборы, круглые столики с креслами-качалками и качели – все эти неперенные атрибуты успешной жизни наводили на мысли о том, что соседи Риты были вполне довольны своей судьбой. Однако дальше дома были уже не такими большими. Заборы становились все более частыми, краски темнели, а дворы выглядели пустыми и безлюдными, хотя в каждом окне по-прежнему ясно угадывались занавески – признак того, что в домах все же кто-то жил.

Дом Риты был последним. Самый маленький со всей улицы, неприметный и невзрачный, но довольно уютный при более близком знакомстве. Заборик был низким, но частым, а от калитки к дому вела узкая дорожка, по обеим сторонам которой росли кусты живой изгороди. Они явно требовали садовых ножниц. Одноэтажное строение с небольшим крыльцом в две ступеньки и темной черепичной крышей словно сошло со страниц детских книжек, но при этом выглядело вполне реально.

У калитки висел колокольчик – отличное решение для тех, кто решил зайти в гости.

Проходя мимо всех домов, Артур продолжал сомневаться в правильности своего решения прийти еще раз. Не будет ли он выглядеть слишком уверенным и надоедливым? Разумеется, будет!

Пытаясь унять волнение и отвлечься, Артур решил составить небольшую историю для самой Риты, хотя он уже давно не занимался ничем подобным, считая такие игры лишь детской глупостью.

Наверное, она выросла в хорошей семье и была единственной дочерью. Она достаточно спокойна, мила даже с незнакомыми людьми и общительна, но неразговорчива. Может быть, она обучалась в школе для девочек, – а как же иначе? – но не отличилась особыми способностями, а потому никогда не работала учителем или гувернанткой. Рите не были свойственны привычки, которые присущи преподавателям – она не поправляла, не указывала на ошибки или неточности и не хмурила брови всякий раз, когда слышала нечто нелепое.

Скорее всего, она рано вышла замуж. Если ей всего тридцать пять, но у нее такой взрослый сын, то логично предположить, что к алтарю она отправилась лет в восемнадцать. Кем же работает ее муж? Может быть, он занимается каким-то ремеслом? Плотник? Нет, в доме такая тяжелая мебель, вряд ли плотник оставил бы в гостиной такие неудобные кресла. Сапожник? Маловероятно – Роберт носит школьную форму, и по отличительным знакам можно понять, что учится он явно не в церковном учреждении. Стало быть, денег достаточно для того чтобы отправить ребенка в хорошую школу. Так в чем же секрет? Нет, скорее всего, его работа связана с длительными поездками. В любом случае, его сейчас нет дома, иначе Рита выставила бы гостя уже в шестом часу вечера, но она не проявляла никакого желания выпроводить его даже в восемь часов.

Работает ли она сама? Женщины могут зарабатывать деньги – взять хотя бы его начальницу и наставницу Юдифь. Эта дама выпекала по двадцать пять больших тортов в день и приносила в свой дом едва ли не больше денег, чем ее супруг, работавший в овощной лавке напротив.

Но нет, Рита не из тех, что суетятся над швейной машиной или у плиты. Чем же она занимается?

Артур поймал себя на мысли, что не может просто сочинить историю, как это было прежде. Наверное, все дело было в том, что он повзрослел.

Теперь ему требовались основания для каждого предположения, но в образе Риты оставалось слишком много неясных моментов. Словно ее портрет был написан лишь наполовину.

Он застал ее уходящей – возле калитки, с небольшой сумочкой и в застегнутом на все пуговицы сером пальто, к которому он уже начал привыкать.

Если она и удивилась, то очень хорошо скрыла это.

– Как поживаете? – улыбаясь, спросила она.

– Я, наверное, не вовремя зашел...

– Если вы надеялись на фотоснимок, то я сразу скажу, что ничего не получится.

Странно, как у нее получалось говорить такие вещи спокойным голосом и, не обижая при этом собеседника? Хотя, наверное, все дело было в другом. Скорее всего, Артур и сам знал, что позировать она не собирается.

– Но если вы согласитесь зайти на чашку чая, то я с удовольствием отменю все свои планы, поскольку меня все равно никто не ждет.

– Я даже не знаю. Просто пришел, чтобы еще немного поговорить, так что мне все равно, если честно...

Она говорила прямо, и он решил отвечать ей тем же. Рита призналась в том, что никто не будет ожидать ее, он сказал, зачем пришел в этом дом еще раз. Ему было любопытно, как она продолжит беседу.

– Тогда вы можете пойти со мной, если, разумеется, вам не стыдно.

Отчего же он должен испытывать стыд? Артур решил, что настал подходящий момент выяснить, где сейчас находится ее муж.

– Должно быть, вы опасаетесь, что нас увидят друзья вашего супруга, а потом поползут сплетни, – стараясь выглядеть нейтрально, предположил он.

Рита замерла всего на мгновение, но ему этого было достаточно. Никакого супруга у нее нет, иначе она предпочла бы рассмеяться или просто согласилась бы с его словами.

– Артур, нам нужно пройти в дом или отправиться на прогулку, потому что стоять здесь уже неудобно, – только и сказала она. – А когда мы отойдем от забора, я задам вам несколько вопросов, и вы сможете спросить у меня все, что захотите.

– Хорошо, – с готовностью кивнул он, глядя на ее сумочку и сомневаясь, стоит ли предлагать ей свою помощь.

Нет, насколько он помнил, такие ридикюльчики дамы предпочитали носить сами.

Рита заперла калитку, и двинулась по узкой дорожке, направляясь за пределы города. За ее домом начиналась небольшая рощица, а дальше проходила речка, расширявшаяся и уходящая на север.

– Вы не пойдете в город? – удивился он.

– Нет, – не оглядываясь, ответила она.

Ничего не оставалось – нужно было послушно шагать за ней следом.

При всей своей полноте, Рита имела пропорциональное сложение, и ее силуэт не выглядел нелепым или непривлекательным. Она шла довольно медленно, но, очевидно, ходьба была для нее привычным занятием. Иными словами, даже в простой одежде и посреди заброшенной дороги она продолжала выглядеть как городская дама, полная собственного достоинства и сознания своей красоты.

Когда дорожка исчезла окончательно – просто растворилась в высохшей траве и земле – Рита обернулась, снова начиная говорить.

– Я направляюсь к реке. Хочу почаще приходить туда, говорят, это помогает отвлечься. Кроме того, мне нужны идеи для открыток, но все цветы уже давно завяли. Хочу поискать листья приличной формы, если они еще остались в роще. На худой конец, я просто проведу время в тишине и одиночестве.

Тишины и одиночества, насколько он мог судить, было достаточно и в ее доме, но эти мысли Артур благоразумно предпочел оставить при себе.

– Я буду делать открытки на продажу, – сообщила она, двигаясь дальше.

Поскольку дорога пропала, идти строго позади уже не было смысла, и он поравнялся с ней, стараясь поддерживать зрительный контакт.

– После развода мне нужно найти способ заработка, поскольку большая часть денег ушла на дом, и оставшиеся средства нужно чем-то пополнять.

Так вот, оно что. Значит, она разведена. Он еще не знал ни одной супружеской пары, что предпочла бы жить раздельно. Его соседи спорили и кричали друг на друга каждый день, иные из них открыто изменяли своим спутникам жизни, но о разводе никто еще не заговаривал всерьез. Расторжение брака – это позорная процедура, о которой люди предпочитали не думать.

– Что еще вы хотели узнать? – спросила она.

– Я... стыдно признать, но все вопросы вылетели из головы.

На самом деле, он не предполагал, что Рита может сама предоставить ему возможность задавать вопросы, а потому конкретных мыслей на этот счет у него даже не возникало.

– Тогда я спрошу, – продолжила она. – Зачем вам мой снимок?

– В прошлый раз я уже сказал.

– Глупости, скажите настоящую причину.

Артур остановился, и она последовала его примеру.

– Вы мне не поверили, – заключил он.

– И никто бы не поверил, – заверила его она.

– А жаль, ведь это была правда. Я действительно нахожу вас необычной, и хочу понять, что в вас особенного.

Рита улыбнулась:

– Вы мне льстите. Нет во мне ничего особенного.

– Вот и мне так кажется, но отчего-то я вспоминаю вас всякий раз, когда высвобождается свободная минутка. С чего бы? Это так странно. Я уже понял, что вы не хотите фотографироваться, несмотря на то, что прежде уже дали согласие.

На ее лице появилось виноватое выражение, и она опустила глаза, напоминая ему маленького ребенка.

– Вы опасаетесь, что ваши знакомые могут узнать о снимке? – спросил он, стараясь смягчить свой голос и ни в чем ее не обвинять. Он уже успел сказать достаточно резких слов. – Я могу поклясться, что не стану никому показывать вашу фотографию. Более того, как только мне удастся разгадать вашу загадку, я сразу же уничтожу карточку, уверяю.

– У меня нет знакомых.

Развод, должно быть, подобен проказе. Отчего же еще она может быть одинока?

Между тем, Рита продолжила:

– Я, должно быть, кажусь вам странной.

– Со мной вам все равно будет сложно соперничать, – улыбнулся Артур. – Вы, по крайней мере, не пристаёте к незнакомцам с подозрительными просьбами лишь потому, что их лица кажутся вам примечательными.

Она подняла голову и глубоко вздохнула.

– Вы первый, с кем я по-настоящему заговорила за прошедшие восемнадцать лет, и вы кажетесь мне вполне приличным молодым человеком. Кроме того, вы уж точно не возжелаете соблазнить меня, а потому, я думаю, мы можем продолжать видаться и говорить от случая к случаю. Однако, как вы и поняли, снимка не будет. Простите меня, но... слишком уж это...

– И вы позволите приходить в ваш дом?

– Если вы не станете стыдиться меня, то я могу приглашать вас на прогулки, – серьезным тоном ответила она, хотя Артуру показалось, что она шутит.

– Я не стыжусь того, что общаюсь с разведенной женщиной, – покачал головой он.

Рита повернулась к нему и впервые рассмеялась. Ему хотелось спросить, чем он вызвал этот смех, но она лишь покачала головой и прошла дальше, направляясь к реке.

Глава 5

Рита. Открытки и фотографии

Искать работу нужно было почти сразу же после развода, но тогда она была слишком занята другими делами. В конце концов, у нее было не так уж и много вариантов – после того, как она окончила школу, ее ожидало скорое замужество, а за ним спокойная жизнь без финансовых трудностей. Вполне возможно, если бы она смогла сохранить прежнюю красоту, ей вообще никогда не пришлось бы думать, как заработать денег. И все же, беспокоиться об этом было слишком поздно – сейчас ей нужна была работа, и сожалеть о потерянных возможностях казалось непозволительной роскошью.

Тосковала ли она по мужу? Рита не могла дать точного определения тому, что чувствовала по отношению к Антону. Она искренне надеялась, что он пожалеет о том, что поступил с ней таким образом, но все эти надежды были заведомо напрасными – она сама настояла на разводе и первая ушла из дома. В конечном счете, все выглядело так, словно она сама виновата, и эта небольшая сцена, которая состоялась после того, как она обнаружила в доме одну из его любовниц, оставалась только в ее памяти. Скорее всего, Антон уже и сам позабыл, что они вообще когда-то говорили о причинах, подтолкнувших его к измене.

Впрочем, Рита не желала терзаться совестью, если все равно ничего не могла изменить. В каком-то плане ей стало проще, поскольку теперь, просыпаясь по утрам, она не чувствовала неуверенности. Из разговоров окружающих следовало, что разведенная женщина, которая живет в позоре и изоляции, должна ощущать лишь одиночество и страх, но ничего подобного не было. Во всем, что с ней происходило, была какая-то новизна, и Рита старалась постоянно быть занятой всевозможными делами.

Еще через некоторое время она обнаружила, что домашние дела больше не отнимают столько времени и сил – она попросту привыкла к ежедневной суете. Теперь на все хлопоты уходило почти в два раза меньше времени, и она могла уделять внимание своим цветам. Парник все еще не был готов, хотя зимние холода стремительно приближались, и Рита начинала беспокоиться.

И все же, более всего остального ее беспокоила необходимость зарабатывать деньги. Поиски работы были изнурительными, унижительными и, увы, безрезультатными.

С ее слабыми навыками Рита могла бы заниматься только самой низкооплачиваемой и тяжелой работой, но теперь об этом не было и речи. К ее удивлению, никто не желал брать ее в число сотрудников, хотя она отправлялась на поиски подходящего места каждый день. Ей отказывали даже в работе посудомойки или уборщицы, хотя под конец она была готова и на это.

Работодатели смотрели на нее через стекла своих круглых очков и молча качали головой, даже не потрудившись объяснить причины отказа. Уставшая и разбитая Рита приходила домой, готовила обед и ждала сына, а после рассказывала ему обо всем, поскольку больше делиться было не с кем.

Желание рассказать о собственных мыслях и уж тем более, событиях своей жизни, стало появляться незаметно и тихо, но чем дальше шло время, тем острее Рита чувствовала потребность поговорить хоть с кем-нибудь. Она с удивлением поняла, что в прежние времена подобных побуждений не возникало. Вероятно, потому что ей просто было нечем поделиться.

Робби выслушивал ее рассказы с терпеливостью взрослого человека, почти всегда сохраняя молчание и невозмутимость. Однако через неделю он все же решил высказаться.

– Мама, я считаю, что подобная работа не для тебя.

Рита удивилась подобным словам, но также спокойно спросила:

– Почему?

– Она будет отнимать слишком много времени и сил, но денег не принесет.
– Очень много женщин занимается именно такой работой, поскольку другого выбора у них все равно нет.

– Ты не из тех, кто должен работать таким образом.

Рита нахмурилась:

– Нет неблагодарной работы, если ее выполняет ответственный человек.

– Неужели ты не умеешь ничего, кроме того, как мыть посуду или убирать мусор?

– Умею, но для того чтобы зарабатывать этим деньги, одного умения недостаточно. Я не настолько хорошая портниха, чтобы шить на продажу; я владею иностранными языками, но моих знаний не хватит для того чтобы работать переводчиком. Я не умею стенографировать, чтобы работать в конторе или готовить достаточно изысканную еду, чтобы искать место повара. Так что лучше делать то, для чего не нужно столько...

– Ты могла бы усовершенствоваться или научиться чему-то новому.

– На это нет времени.

Это было правдой, так что даже Робби не нашелся с ответом. Время истекало, как, впрочем, подходили к концу ее сбережения и сумма, которую ей выплатил Антон после завершения процесса.

Робби, как обычно вздохнул и сдался. Он почти никогда не спорил с ней и не пытался доказать свою правоту, хотя она точно знала, что такое желание возникало у него постоянно.

Решение пришло несколько позже. Когда незнакомый парень предложил ей сфотографироваться, Рита поначалу не придавала этому большого значения, но совсем скоро в разговоре с Робби появилась еще одна идея.

– Тот Артур приходил к нам домой, – спокойно сказал Робби за обедом на следующий день после того, как «уличный фотограф» побывал у них в гостях. – Ты все же решила сфотографироваться?

– Нет, – ответила она. – Нет, для этого не было нужды. Он пришел просто посмотреть на меня, так что не стал настаивать на фотографии.

– Посмотреть? – Робби был удивлен.

– Да. Он часто видит необычных людей и запоминает их лица.

– И он подходит к каждому с такой просьбой?

– Насколько я успела понять, нет.

Рита опустила глаза на кружевную скатерть, разглядывая тонкий узор из белых нитей. Каждый разговор убеждал ее в том, что Робби намного взрослее, чем она думала. Она всегда интересовалась его делами, но в то время, когда они жили вместе с Антоном, между ними никогда не было откровенных или оживленных бесед. Сейчас она словно заново узнавала своего сына, и от этого иногда становилось жутко. Когда он успел стать таким самостоятельным и по-своему циничным?

– А для чего же ему камера? Разве он делает открытки?

– Открытки?

– Да. – Робби поднял на нее глаза и отложил вилку в сторону. – В последнее время появились фотооткрытки, напечатанные с настоящих снимков.

– Наверное, дорого стоят?

– Нет. Это не ручная работа, и, к тому же, они не рельефные. Абсолютно плоские и бледные. Я покажу тебе.

Он встал из-за стола и вышел за дверь, только для того чтобы вернуться через минуту. В его руках была небольшая карточка, которую он сразу же протянул ей.

В доме стало свободнее. В другое время он ни за что не позволил бы себе подняться из-за стола, не завершив трапезу, тем более, если поводом была какая-то жалкая открытка. Однако

теперь он был уверен, что мать не станет осуждать его или отчитывать за подобное поведение. А еще он знал, что Рите очень хотелось взглянуть на эту карточку.

– Очень красиво, – заметила она, разглядывая желтовато-коричневую картинку, изображавшую цветущий розовый сад. В сепии пейзаж выглядел тускло, но в нем была та самая детальность, которой недоставало обычным открыткам, изготовленным на станках и под прессами. – И почему же они не так дороги?

– Потому что у всех моих одноклассников есть точно такие же. Совершенно одинаковые открытки, только имена на оборотной стороне разные. Их легко перепутать, потерять или вовсе забыть. Мне они не нравятся, хотя, по большому счету к открыткам я равнодушен.

– Это приглашение или поздравление? – спросила она, не решаясь перевернуть карточку на другую сторону и прочесть написанный текст. Все же, открытка была адресована не ей.

– Поздравление с победой. Наша команда выиграла последний крикетный турнир. Дальше станет слишком холодно, и новые игры начнутся лишь весной.

– Поздравляю, – улыбнулась она.

– Не с чем, я все равно не участвовал. Поэтому и тебе ничего не сказал. Теперь понимаешь, почему такие открытки ценятся не очень высоко? Их купили сорок штук, на каждого, не заботясь о том, что некоторые, вроде меня, не играли вовсе. Отчего бы не купить, если они все равно одинаковые? В те времена, когда каждую открытку заказывали отдельно, такого быть не могло.

– Но ведь и на станке можно отпечатать серию совершенно идентичных копий.

– Ты права. Ведь это ты когда-то делала лучшие открытки для моего класса.

Больше об этом в тот день они не говорили. Очевидно, Робби понял, что достиг своей цели, а Рита предпочла больше не донимать его своими расспросами.

Разговор о крикете, который некогда был им так любим, было решено отложить до следующего игрового сезона.

Глава 6

Артур. Снимки и открытки

– Возможно, я зря сегодня пришла сюда, – вздохнула Рита, отходя от берега и оглядываясь на него. – Здесь нет ничего, что могло бы вдохновить меня.

– Разве? Я нахожу этот пейзаж довольно интересным, – вежливо сказал он, хотя и отлично понимал, что в унылых голых ветках и пожухлой листве, которой был устлан берег, невозможно найти что-либо привлекательное.

– Ради Бога, – нахмурилась она – не нужно быть таким вежливым. В конце концов, вы уже однажды нарушили правила, обратившись ко мне с такой необычной просьбой и при этом, даже не поинтересовавшись замужем ли я.

Артур опустил взгляд. Она была права, и ее слова были довольно резкими, но он вновь удивился тому, что не испытывает обиды или неудобства. Казалось, будто она просто отметила очевидное, и нисколько его не осуждает.

– Я предлагаю вам говорить свободно, – продолжала она. – Так что можете прямо назвать этот вид серым, тоскливым и некрасивым. Самое яркое время уже прошло, осталось лишь простое, холодное или вовсе бесцветное.

– На фотографии вид был бы зловещим, – сам не зная, зачем, сказал Артур. – На снимках нет никаких красок – все такое ровное и однородное. Если бы я был художником, возможно, мне бы удалось увидеть здесь что-то привлекательное, но я не умею рисовать

Похоже, он не снимал в солнечную погоду.

– Даже владея основами изобразительного искусства, я все равно не смогу превратить это место в нечто интересное. Однако если вы считаете, что смогли бы запечатлеть эту мрачность в фотографии, может быть, это стоящая идея?

Артур удивленно поднял голову, глядя ей в лицо и пытаясь понять, что она имеет в виду. Неужели, она советует ему вернуться с камерой и сделать снимок местности?

– Вы вполне можете прийти в ближайшие дни и постараться сделать несколько фотографий, – очевидно, правильно поняв его замешательство, сказала она. – Разумеется, если у вас есть желание. Если бы я могла достаточно хорошо рисовать, то занималась бы этим постоянно. Через несколько дней эта неповторимая мрачность исчезнет, и на смену ей придет ледяная строгость – совершенно иное ощущение. Тоже хорошее, но уже не то, что сейчас.

– Но разве вы не говорили, что не видите здесь ничего вдохновляющего?

– Для открыток. Что за поздравительная карточка выйдет из пейзажа с такой атмосферой? Людям нужен праздник, а не тоска. Но в целом, здесь довольно приятно находиться. Я люблю это время – когда небо затянуто тучами и кругом такой серый полумрак.

Нет, ему не нравилась эта мрачность, но он был готов вернуться, только чтобы еще раз встретиться с ней, или, по крайней мере, получить возможность увидеть ее. Поэтому, сделав вид, что он раздумывает над ее словами, Артур кивнул:

– Думаю, вы правы. Я вернусь завтра же, пока не сменилась погода. Возьму с собой камеру, а потом покажу вам снимки.

Она не улыбнулась, но в ее глазах зажегся радостный огонек, который убедил его в том, что он поступил правильно.

– Я бы с радостью взглянула или, может, даже купила бы одну из фотографий.

– Я отдам вам ее бесплатно, нет нужды платить деньги.

Теперь она улыбалась.

– Хорошо, – согласилась Рита, глядя на него так, что Артур почти ощутил физическое тепло. – Вы очень добры.

– Не стоит. Если бы вы позволили мне сфотографировать себя, я бы отдал вторую копию вам на тех же условиях.

Все-таки, ему очень хотелось получить ее портрет. Даже сейчас, смотря на нее, он мог поклясться, что упускает из виду нечто важное, и это заставляло вглядываться в ее лицо еще пристальнее, нарушая правила приличия и заставляя ее смущаться.

– Возможно, позже, – уклончиво сказала она.

– Как угодно.

Она еще раз улыбнулась, но ничего не сказала. Едва появившаяся между ними теплота растворилась, как будто ее и не было вовсе.

– Вы давно делаете открытки? – спросил Артур только ради того чтобы не молчать.

– Нет, – немного оживившись, ответила она. – В прошлом я помогала учителям в школе, где учится мой сын. Открытки ручной работы всегда в чести, если речь идет об учебном заведении, в стенах которого постоянно проходят дни рождения, праздники и прочие события. Потом необходимость в моей помощи пропала, и я перестала этим заниматься. Впрочем, тогда я работала бесплатно. – Она сделала паузу, видимо, решая, как продолжить. – Совсем недавно у меня просто не осталось выбора. Мне нужно научиться зарабатывать деньги. Понимаю, я для этого уже слишком стара, но мне не нужна хорошая и чистая работа, я готова взяться за что угодно, в то время как моему сыну это не по душе. Он намекнул, что я могла бы изготавливать открытки на продажу, и я решила последовать его совету. По чести признать, я не думаю, что из этого выйдет толк, но нужно хотя бы попытаться. Кроме того, изготовление открыток можно совмещать с другими делами, так что я все равно продолжу поиски.

– Кем же вы хотели работать? – не удержавшись, спросил Артур.

Рита немного помолчала, а потом пожала плечами:

– Хотела? Не стану говорить, что я сгорала от желания стать уборщицей или посудомойкой, но иных вариантов просто нет.

Строгое длинное неизменно серое пальто, начищенные сапожки, простая, но изящная шляпа. Жемчужные серьги и золотое обручальное кольцо. Представить ее посудомойкой было сложно. Однако вещи были лишь фоном – сама женщина, облаченная в эту одежду и украшения, была совершенно иной.

У нее были красивые руки и белая гладкая кожа – все это говорило о том, что она не привыкла к тяжелой и грязной работе. Спокойный взгляд, изящная линия полных губ, красиво уложенные и слегка завитые волосы, которые были собраны в небольшой узел – он и представить не мог, что Рита станет посудомойкой.

– Такая работа не для вас, – прямо сказал он, не успев одуматься.

– Вот и сын так сказал, хотя мне кажется иначе. Все же я думаю, что мне подойдет любая работа, если я буду очень нуждаться. Я понимаю, эта дорогая одежда и украшения – все это убеждает вас в том, что я не стану работать уборщицей или кем-то еще. Однако все это скоро исчезнет, поскольку денег не останется. Лучше уж сразу заняться тем, что доступно, чем гоняться за несбыточным.

Эти рассуждения казались ему пустыми и не слишком убедительными, поскольку у него на этот счет имелось собственное мнение.

– Вы красивы, – неожиданно даже для самого себя выпалил Артур. – Даже нищета не отнимет этого.

Рита задержала дыхание, и ее ресницы дрогнули. Он хотел бы понять, о чем она думает, но сейчас это было невозможно – ее глаза сразу же застыли, закрывая душу от чужого любопытства.

– Я видела, как очень красивые женщины занимаются и менее благородной работой. С этим не поспоришь – не каждый из нас может работать тем, кем хотел бы. Как насчет вас? Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я работаю в кондитерской.
– Но в душе вы хотели бы стать фотографом?
– Нет, – честно ответил он. – Я не знаю, кем хотел бы стать. Вы ведь тоже этого не знаете?
– Я женщина, и это о многом говорит. У нас выбор не так велик.
– Вы можете начать с открыток, и это станет для вас дорогой, ведущей к чему-то еще.
– А вы можете просто прийти и сделать несколько фотографий этого места. Это тоже может привести вас к другой цели.

Он ничего не ответил, стараясь не думать о том, что она говорит правду. На самом деле, у него никогда не было выбора или большой перспективы. Артуру еще повезло, что он смог получить работу в кондитерской, а потому он старался не думать о большем. Все остальное, включая мотоцикл и камеру, было лишь вторичным. Для него настоящая жизнь проходила в небольшой мебелированной комнате, душной пекарне и за высоким прилавком магазина.

Эти мысли отвлекли его, так что когда Рита взяла его за руку и слегка сжала его запястье, он даже вздрогнул от неожиданности.

– Вы ведь мужчина, и вы молоды. Почему же вы не можете дать волю себе, если говорите мне, разведенной женщине, что я могу достичь большего?

– Я даю себе волю, – отчего-то лишившись голоса, шепотом возразил он. – У меня есть камера, и я делаю снимки.

– Так приходите завтра, и мы с вами поделимся. Я покажу вам старые открытки, которые еще остались с прошлых лет, а вы принесете свои фотографии. Как вам идея?

– В моих снимках нет ничего особенного, – неуверенно ответил Артур. – Они заурядны и несовершенны. У меня ведь абсолютно нет опыта.

– Вы уже показывали их кому-то?

– Нет, я просто знаю.

– Позвольте мне оценить их и высказать свое мнение? У моего супруга тоже есть камера, но он ею никогда не пользовался. Мы держали ее для фотографа, которого приглашали на праздники и дни рождения. В доме осталась небольшая коллекция таких фотографий, так что я знаю, о чем говорю. Некоторые из них действительно выглядят удачно, но другие... не настолько красивы, как хотелось бы.

– Это портреты?

– В основном.

– У меня только пейзажи, да и то убогие.

Рита перевела взгляд на него и подняла брови.

– Не бывает убогих пейзажей, даже если мы говорим о городских видах.

Ничего не оставалось – пришлось согласиться.

– Я принесу их завтра же.

Она проявила неожиданное упорство, которое невозможно было угадать, глядя на ее спокойное лицо. Так значит, она не настолько индифферентна?

Артур улыбнулся, комкая в руках кепи:

– Я не знал, что вы так... настойчивы.

Она ответила ему доброй улыбкой, но ее слова вновь сбили его с толку:

– Вы совсем меня не знаете. Но если вы действительно хотите познакомиться, то мои портреты вам не помогут.

Глава 7

Рита. Первый портрет

Беседка никак не хотела превращаться в парник – пленка постоянно отставала от хрупких колонн, и даже порыв ветра средней силы мог запросто сорвать тонкую защиту. После такого на деревянных столбиках оставались вбитые по самые шляпки гвозди, на которых красовались кусочки оторванного полиэтилена. Рита решила отложить работу с беседкой до весны, и теперь все цветы были расставлены на полу в столовой. Эта небольшая комнатка, примыкавшая к кухне, была практически пустой – здесь находился лишь обеденный стол и пара стульев. Поэтому выстроившиеся вдоль стен горшки с цветами не создавали больших неудобств. Единственное, что беспокоило Риту – недостаток солнечного света. Впрочем, в зимний период морозы и сырость были страшнее хмурой погоды и маленьких окон.

Для того чтобы изготовить хорошую открытку, требовалась определенная техника, но у нее не было пресса, станка или даже обыкновенной фанеры для того чтобы создать рабочую основу. Пришлось довольствоваться кусочками картона, оставшегося от коробок, которые она использовала для перевозки вещей.

Полы многострадальной беседки жалобно скрипнули, когда Рита вынесла из дома стул и установила его под крышей этого летнего убежища. Возможно, когда-то беседка была действительно красивой – деревянные колонны были покрыты замысловатой резьбой, а легкие перила выглядели изящно и тонко. Внутри не осталось скамеек, да и стол, очевидно, был вынесен еще задолго до того, как дом выставили на продажу. Но теперь, сидя здесь и кутаясь в свое любимое драповое пальто, Рита впервые ощутила, что это ее дом. И пусть вид изнутри был бедным, а также явно требовал хорошей краски и лака – это была ее беседка. Она могла свободно провести под этой на удивление хорошо сохранившейся крышей ближайший час.

Она вынула из небольшой коробочки стопку оставшихся открыток. Первые она сделала, еще учась в школе – это были образчики, которые так и не нашли своих адресатов, поскольку хозяйка оказалась настоящей трусихой. Она постоянно делала подарки, но не решалась отдать их, боясь, что ее оттолкнут или поднимут на смех.

На некоторых из них были закреплены гипюровые бантики и бумажные ленточки. Иные были украшены сухими цветами и аппликацией. Однако чем новее становились открытки, тем сдержаннее казался декор – взрослеющая создательница использовала только акварель, графику и каллиграфическую роспись. Зато качество материалов улучшалось – последние карточки были изготовлены из белого рисового картона и даже хранили аромат дорогих чернил.

Теперь для того чтобы делать открытки от руки, не оставалось времени. Нужно было подумать о том, как можно тиражировать оригинальный рисунок.

Мальчик зашел уже после того как она покинула задний двор, и Рита даже обрадовалась этому – если бы он оказался у калитки немного раньше, то она наверняка не смогла бы услышать колокольчик.

– В магазине двухчасовой перерыв – важные клиенты объясняют работодателю все тонкости будущего заказа, – торопливо объяснил он, как обычно, пропуская ее вперед и придерживая дверь. – Я решил, что настало время прийти к вам, оставить фотографии. Вечером, возможно, заберу, когда буду идти к реке. Или после того, как сделаю снимки.

Рита кивала, показывая ему, что все понимает и не сердится за неожиданное вторжение.

– У меня сейчас нет никаких важных дел, вы можете приходить, когда вам удобно, – дабы успокоить его, сказала она.

– Я не отниму у вас лишнего времени, просто хотел отдать вам это.

Он спустил с плеча кожаную сумку, вынул перевязанные шнурком фотографии и вручил ей.

– Вот и все.

– И вы даже не останетесь на чай? – удивилась она.

Живя среди людей совершенно иного круга, она не привыкла, чтобы люди уходили прямо с порога, но Артур, по всей видимости, был еще и очень смущен.

– Я должен вернуться как можно скорее.

– Вы на вашей машине?

Его щеки явственно порозовели, и он выглядел даже забавно. Рита не могла удержаться от улыбки. Хотя Артур был явно старше Робби, она чувствовала знакомое умиление, глядя на то, как он говорит и пытается выразить свои мысли. Своей неопытностью в общении с людьми он напоминал ей сына, хотя этот момент у Робби прошел уже несколько лет назад. Теперь он держался довольно уверенно и научился говорить, глядя собеседнику прямо в глаза – Антон воспитывал его, приучая вести себя достойным образом, в каком бы обществе он ни находился.

– Да, я оставил ее у входа в переулок.

– Хорошо. Тогда возвращайтесь к ней и спешите на работу, думаю, опоздание не пойдет вам на пользу.

– Спасибо, – непонятно за что поблагодарил ее он, поспешно выходя за дверь.

Почему он приходил вновь и вновь, если ему было так сложно находиться в этом доме? Рита вздохнула, выходя следом, чтобы проводить гостя.

В этот самый момент колокольчик зазвонил вновь, и она подняла глаза, стараясь разглядеть еще одного посетителя. К ее удивлению, это был Антон, о котором она совсем недавно вспоминала.

Призвав на помощь все свои силы для того чтобы удержать бесстрастное выражение лица, она прошла вместе с Артуром до конца дорожки и осторожно отворила дверцу, выпуская его.

– Добрый день, – сдержанно поприветствовал их Антон.

– Добрый день, – повторила она.

– Представишь меня своему другу? – спросил он.

Стандартный обмен любезностями, ничего не значащими фразами – в мире, где жил Антон, такое происходило постоянно. Рита знала, что он каждый день знакомился с новыми сотрудниками финансовых предприятий партнеров, но забывал их имена уже через пять минут, поскольку секретари, клерки и кассиры менялись почти каждую неделю.

Запомнит ли он Артура? Скорее всего, нет – бедный мальчик так быстро скрылся из виду, что вряд ли Антону удалось даже разглядеть его лицо.

– Чем обязана? – нейтрально спросила она, пропуская уже второго гостя в дом.

– Решил посмотреть, как вы живете. В этом доме проводит будни мой сын?

– Да, именно в этом.

Он придиричиво разглядывал кусты, которые нужно было подстричь гораздо раньше. Теперь, когда наступали холода, было уже поздно.

Пусть думает что хочет.

– Я пришлю вам нашего... своего садовника.

– Не стоит, мне нравится такой вид.

Она открыла перед ним дверь, гадая, что он скажет, увидев тяжелые портьеры и старомодную мебель. Антон прошел в гостиную, двигаясь медленно и осторожно.

– Я не привык думать о том, что теперь мы живем в разных домах, но должен заметить, что гостиная выглядит вполне достойно. Однако если ты хочешь сменить портьеры, то...

Рита тихонько рассмеялась, и он оглянулся.

– Что смешного?

- Ничего. Я ждала, когда ты скажешь что-то подобное. Нет, меня все устраивает.
- Ты ведь никогда не любила темные цвета. Или ты так умело притворялась?

Разговор явно направлялся не в то русло, и Рита поспешила заглушить драматические нотки беседы.

- Робби вернется только через два часа. Может, выпьешь чаю?
- Ты приготовишь сама?
- Сама.
- Пожалуй, не откажусь.

Он, наконец, снял свою шляпу и опустился в одно из кресел.

- Я вернусь через минуту, – предупредила его она, выходя за дверь.

Им еще не приходилось говорить так спокойно и неторопливо. С тех пор, как были поставлены все подписи, и формальности остались позади, прошло достаточно времени. Теперь они оба сумели остыть и о многом подумать.

Разливая чай, она впервые заметила, что в этом доме была совершенно иная посуда. Возможно, Антон не привык пить чай из чашек без позолоты и ручной росписи, но ничего другого она предложить ему не могла.

- Тебе нравится такая жизнь? – спросил он, когда она опустилась в кресло напротив него.
- Отчего же нет? Я всем довольна.

Антон осторожно держал в руках блюдце и чашку, стараясь глядеть куда угодно, только не на нее.

- Я ни разу не пил твоего чаю. Подумать только, с тех самых пор, как мы поженились.
- Это поправимо. Приходи каждую неделю, и я буду угощать тебя не только чаем, – стараясь не выдавать своего напряжения, полусмешливо предложила она.
- Ты готовила для меня хоть раз за все наши годы?

Рита смотрела на его безупречно отглаженную сорочку, застегнутый на все пуговицы серый жилет, шелковый галстук и черный пиджак, и ей казалось, что в нем совершенно ничего не изменилось. Разлука с ней не подействовала на него, и сейчас развод показался правильным решением – возможно, ее присутствие ничего для него не решало.

- Тебе не довелось пробовать то, что у меня получалось, – уклончиво ответила она.
- Было бы любопытно.
- Ты волен прийти к нам на обед когда захочешь, – зная, что он все равно не сможет найти на это время, великодушно сказала она.
- Я приду. В котором часу вы обедаете?
- По воскресеньям я стараюсь успеть к часу пополудни.
- Жди меня на этой неделе. Чем порадуешь?
- Я еще не думала об этом. Теперь, когда я больше не твоя супруга, мне не придется беспокоиться о том, чтобы угощение пришлось тебе по душе, не правда ли? – Антон даже отпрянул от нее, и она еще раз засмеялась. – Боже, не принимай эти слова близко к сердцу, я просто шучу.

- Шутишь?

Рита остановилась на мгновение, вспомнив, что слово «шутить» не использовалось в их семье.

- Да. Это было глупо, прости меня.
- Все в порядке, я понял. Откуда ты берешь деньги? Я могу давать больше для Робби, если ты не справляешься.
- Я дам тебе знать, когда у меня совсем ничего не останется, – все еще улыбаясь, ответила она.
- Сделай одолжение. – Он был абсолютно серьезен. – Я не желаю, чтобы мой сын и его мать побирались.

– До этого не дойдет.

Ей было любопытно, что бы он сказал, если бы она поделилась с ним своими планами касательно работы. Впрочем, она не считала нужным рассказывать ему о том, что, чуть было, не стала уборщицей.

– Так когда придет Роберт? – переспросил он, нарушив ход ее мыслей.

– Через пару часов, не раньше.

– Пожалуй, я зайду в другой раз.

Как обычно. Рита согласно кивнула и стала ждать, когда он уйдет.

Наверняка он уже забыл о том, что несколько минут назад обещал прийти в грядущее воскресенье.

Снимки были чудесными. Очевидно, Артур выбирал для съемки незатейливые пейзажи без сюжета, но в них явно чувствовалась некоторая общность. Было заметно, что он старался не брать в объектив людей или животных. Даже случайно попавшие на фото прохожие или отдыхающие находились на самом краю общей картины – все основное пространство было заполнено только природой и незаметными на первый взгляд сооружениями вроде мостов или полуразрушенных арок.

Ни на одной из фотографий Рита не нашла резких теней или выразительных линий – каждый снимок был ровным и мягким. Она вспомнила его слова о том, что вид на берег реки, мог бы выглядеть мрачнее на фото, и теперь ей было ясно, что Артур знал, о чем говорил.

– На ваших снимках все такое необычное. Такое умиротворенное, но вместе с тем застывшее и несчастное.

Они вновь стояли на берегу – она решила выйти и посмотреть, как он будет работать. Удивительным было еще и то, что Артур легко согласился взять ее с собой, хотя, как оказалось, он был до крайности стеснительным и не мог сосредоточиться, когда кто-то пристально смотрел на него.

– Всякий снимок выглядит застывшим.

Наверное, его задело это замечание, но Рита не могла лгать и льстить, если речь шла о красивых вещах.

– Нет, на других вид такой, будто в следующую секунду деревья закачаются, а люди тронутся с места. На ваших фотографиях нет движения, но эта безмятежность прекрасна. Вы напрасно ругали свою работу – мне она нравится.

– Вы снисходительны ко мне.

– Снисходительна?

Странное слово – обычно она его применяла иначе. Кто-то был снисходителен к ней – жалея из-за ее полноты, несчастливой замужества, «недалекости» и прочих бед, которые казались смертельными женщинам ее бывшего круга.

– Нет, вовсе нет.

Обидное слово. Нет, она вовсе не хотела, чтобы он считал ее снисходительной к нему.

– Так почему не скажете честно? Я еще никому не показывал эти снимки, и мне хотелось бы слышать лишь правду.

– Я думала, что вас обидели мои слова о том, что пейзажи выглядят застывшими, но вы хотите, чтобы я выразилась еще грубее?

– Да.

Рита взяла из его рук фотографии, осторожно перебирая и разглядывая каждый образчик в отдельности.

– Не нахожу изъянов, простите меня, – покачала головой она, возвращая ему аккуратную стопку.

– Но сказали бы, если бы увидели?

– Конечно. Поверьте, я не столь тактична, чтобы скрывать свое мнение.

На самом деле, здесь она солгала. Она постоянно утаивала свои мысли, но для этого были совершенно иные причины, среди которых не было страха сказать собеседнику неприятное.

Стоило отдать ему коробочку с открытками, когда он принес свои фотографии. Теперь она держала в руках небольшую сумочку, где лежал конверт с карточками, и думала, когда лучше отдать их ему.

Между тем Артур просто бесцельно ходил по берегу, не зная, где лучше приступить к съемке. Он пробовал спускаться к самой воде, затем поднимался к ней, а после отходил подальше, и лишь тогда решался поднести камеру к глазам. Однако насколько она сумела понять, он еще ни разу не нажал на кнопку.

– Наверное, мне стоит уйти, – забыв о том, что открытки все еще лежали в сумочке, торопливо сказала она.

– Почему? – Его голос звучал даже расстроенно.

– Мы едва знакомы, и вы не можете работать при мне. Я должна была догадаться раньше. Простите, что увязалась за вами.

– Не уходите. – Артур подошел ближе. – Вы ведь можете помочь мне.

– Чем? – удивилась она.

Он опустил глаза, как будто собирался сказать нечто возмутительное или преступное. Он держал камеру в правой руке, а пальцами левой то обводил ободок объектива, то теребил ремешок.

– Здесь прекрасный вид, и нет этих проклятых костров или проводов или еще чего-нибудь. Сегодня подходящая погода. И...

Слова давались ему с трудом, но Рита уже поняла, что он на самом деле имел в виду.

Почему бы и нет? Все же он доверился ей, показав свои первые снимки. Даже если он солгал, и до нее эти карточки демонстрировались другим людям, она все равно чувствовала признательность.

– Где мне встать?

Артур, кажется, даже перестал дышать.

– Спасибо, – шепотом поблагодарил ее он. – Стойте прямо здесь, ничего не нужно.

Словно боясь, что она передумает, Артур сразу же отошел на несколько шагов, а после осторожно осведомился:

– Всего раз?

– Да.

Один щелчок. Вот и все.

Он медленно опустил камеру, и Рита могла поклясться, что он хочет сделать еще один снимок, но никаких дальнейших просьб не последовало. Артур просто убрал камеру в сумку и улыбнулся – в первый раз с тех пор, как она его увидела.

– Я обязательно принесу вам копию, – заверил ее он, и вид у него был почти счастливый. – И, возможно, даже сделаю еще один простой снимок.

После этого он действительно еще раз щелкнул камерой, направив объектив в сторону реки. Рите показалось, что его не особо заботил вид, который ему удалось запечатлеть.

Глава 8

Артур. Что сказала Юдифь

Работать в кондитерской Артур начал уже в шестнадцать лет. До этого момента в его жизни бывали разные времена, когда он не знал, чем займется и откуда возьмет деньги на проживание. С тех пор многое изменилось, ему повезло встретить Юдифь, и он постарался забыть о том, что когда-то не умел варить сладкий крем и раскатывать тесто тонкими слоями. О многом еще предстояло забыть, и он усердно над этим работал.

На одной улице с кондитерской находились и другие магазины. Бакалея, лавка мясника располагались по обе стороны от «Сладкого мира», напротив продавали овощи, а в самом конце находилось небольшое кафе, в котором по воскресеньям можно было посидеть с часок и понаблюдать за другими, представляя, что он проводит так каждый вечер. Беда была в том, что вся улица знала Артура-из-кондитерской, и большинству прохожих было известно, что этот парнишка может посидеть в кафе только раз в неделю. Целесообразнее было бы заказывать столик в другой части города, но для этого пришлось бы покинуть родной район, отправиться в незнакомое место, расспрашивать людей или – еще хуже – наводить справки о ценах. Поскольку зарабатывал он не так много, как хотелось бы, Артур решил, что лучше ограничиваться редкими визитами в знакомое кафе. По крайней мере, здесь уж точно нельзя было попасть впросак с оплатой счета.

Еще Артур откладывал деньги. На сей раз он не знал, что хотел бы купить, но когда в небольшой коробочке под кроватью постепенно увеличивалась стопка купюр, ему становилось теплее. Он доставал ее каждую неделю, чтобы присоединить к ней еще несколько бумажек, отделенных от суммы своей заработной платы. Поскольку величина заработка зависела от количества выполненных заказов, сумма часто варьировалась, но в целом он ощущал уверенность уже от того, что дно коробки закрыто деньгами.

Это также было его небольшим секретом, тщательно скрытым от посторонних. Единственным человеком, которому он мог бы довериться, была Юдифь, обучившая его замешивать тесто и работать на кухне.

У Юдифи был открытый характер, она любила шутить и обо всем говорила прямо, без намеков и окольных путей. В этом состояла простота общения с ней, хотя иногда по этой же причине говорить с ней становилось невозможно. Впрочем, Артур всегда воспринимал ее лишь как учителя и человека, с которым проводил рабочие будни. Он уважал ее как первоклассного специалиста, и отлично понимал, почему владелец кондитерской только с ней обсуждает важные дела и заказы. Юдифь была душой кухни и магазина, она умела руководить и мотивировать подчиненных, но в некоторые моменты от нее хотелось просто убежать куда подальше.

– Привет, родной, – как обычно поприветствовала его она.

Артур приходил на работу вторым, первой всегда была Юдифь.

В огромной кастрюле на самой маленькой плите уже кипятилась вода, а она суетилась у деревянных шкафов, выкладывая на большой дубовый стол все чашки и доски, которые были нужны для работы во время дня.

– Как себя чувствуешь? – не поворачивая головы, спросила она.

– Как обычно. Как ты?

– Я чувствую себя блестяще.

Артур не был уверен, что так можно говорить, но вне зависимости от своего настроения Юдифь всегда говорила, что «чувствует себя блестяще». Все зависело от того, с какой интонацией она произносила эту фразу. Во всяком случае, смысл этих слов был понятен всем и каждому.

– Сегодня у нас много работы, родной.

Работы всегда было много.

– Это хорошо.

– И то правда, – согласилась Юдифь, раскладывая скалки и маленькие кастрюльки. – Много заказов – много денег. Хотя, денег много не бывает, правда, родной?

– Наверное.

Она ухмыльнулась и поправила фартук, который немного сбился набок, пока она возилась у шкафов.

– Тебе придется варить тесто для пирожных. Нужно сорок пять штук, причем не самых маленьких.

– Номер пять или семь?

Пирожные, торты, вафли и пироги – все это было промаркировано номерами и не имело названий. Наверняка, в городе больше не было другой такой кухни, в которой бы за целый день работы нельзя было услышать ни одного названия приготовленного блюда. Самыми популярными пирожными на заварном тесте были номера пять и семь, но на сей раз Юдифь грустно покачала головой (если только она могла выглядеть грустно):

– Нет, номер один. Прости, родной, придется помучиться.

Артур улыбнулся – с тех пор, как он боялся стоять у плиты и варить одновременно карамель, крем и жидкое тесто, прошло уже достаточно времени, но Юдифь продолжала его опекать. Глядя на ее высокую стройную фигуру, было сложно предположить, что она ежедневно выпекает десятки отличных тортов и пробует заготовки для каждого из них. Однако ее крупные ладони, довольно широкие плечи и крепкая спина могли рассказать внимательному человеку о том, что эта женщина привыкла много и тяжело работать. Каштановые волосы всегда были стянуты узлом на затылке, и ни один волосок не выбивался из прически – колпаков и косынок она не носила. Рубашка без рюшек, кружев и бантиков; не слишком широкая и длинная юбка, которая не задевала пол, когда она ходила от стола к столу или работала у плиты; непременно засученные рукава; прочный фартук на толстых лямках – все в ней говорило о практичности и боевом настрое.

– Когда привезут яйца и молоко? – снимая куртку и надевая свой фартук, поинтересовался он.

– Через полчаса все будет здесь. Успеешь?

– Да, конечно. Я пока просею муку. Сколько нужно для первого заказа?

– Оставь, это не твоя работа. У тебя появилась женщина?

Артур остановился. После стандартного разговора этот вопрос не сразу показался ему необычным, но лишь осознав, что ему нечего ответить, он понял, что Юдифь впервые заговорила не о работе.

– Нет, – честно ответил он.

– Хорошо. Ты мне нравишься, но если у тебя будет жена, ты уйдешь из пекарни, и мне придется искать замену.

– Не придется.

– Пока что не придется, – поправила его она. – Рано или поздно это произойдет. А если она не вытащит тебя отсюда, я ей шею сверну своими руками.

– Кому?

– Твоей женщине.

– У меня никого нет, – упрямо повторил Артур.

– Хорошо-хорошо, я поняла. Но она все равно должна найти тебе другую работу, иначе ты останешься здесь навечно, а это вредно для тебя. Ты уже совсем взрослый, а до сих пор играешь со своей смешной машиной, едешь один по улицам и ходишь как в воду опущенный. Она должна тебя исправить. Так ей и передай.

– Хорошо, – вздохнул он, устав спорить с ней.

– Ну, что я говорила? – обрадовалась она. – У тебя кто-то есть.

– Нет у меня никого, но если появится, я перескажу ей твои слова, будь уверенна.

Юдифь рассмеялась, запрокинув голову и прикрыв рот рукой. Вошедший в этот момент второй кондитер удивленно остановился на пороге.

Раз уж день начался со смеха, все остальное должно было получиться хорошо. И даже сорок пять больших пирожных первого номера уже не казались такими страшными.

Ночной город всегда манил Артура, но даже несмотря на независимость и одиночество, он редко выходил на улицу в темное время. Этим вечером для поздней прогулки были причины – в прошлый раз Рита отдала ему конверт с открытками и оставила у себя его старые снимки. Настало время вернуть свои фотографии и вручить хозяйке ее открытки, которые, насколько он сумел понять, были для нее не только разноцветными картонками, но настоящей историей и памятью.

На многих из них сохранились имена адресатов, хотя по непонятным причинам открытки остались у нее. Конечно, ему хотелось бы узнать, почему так произошло, но такие вопросы стоило оставить при себе.

Артур жил на третьем этаже дома, в котором сдавались меблированные комнаты, но, даже едва выйдя за дверь своего жилища, он понял, что на улице идет снег. Воздух в коридоре был холодным и имел совершенно иной аромат. Из него исчезла пыль, и он был достаточно влажным, но запаха мокрой земли не было – это значило, что через большие окна подъезда проходит свободный воздух, очищенный первым снегом.

Наверное, стоило сменить обувь – дороги были мокрыми и холодными, и даже быстрая ходьба не сразу согрела его. Впрочем, дело было не только в обуви – куртку тоже следовало надеть потеплее. Однако он не любил возвращаться, а потому решил, что сможет дойти до остановки омнибуса, после чего останется только преодолеть Пятый переулок и добраться до дома, в котором живет эта все еще незнакомая женщина.

Вообще, они договорились, что в следующий раз он принесет ей снимок, но сегодня не было времени ехать в город и заниматься печатью, так что Артур подумал, что может зайти и без портрета. В конце концов, она ведь вовсе не хотела фотографироваться, а значит, не должна сильно расстроиться, если он скажет, что нужно еще немного подождать.

Ездить в омнибусе он не любил. Это был тот же самый экипаж, только для людей попроще, к которым он себя и относил. Однако это было еще и медлительное, шумное приспособление. Приходилось сидеть рядом с незнакомыми людьми, предупреждать кучера о том, чтобы он остановил в нужном месте (да и то, подходили только специально назначенные точки, никакой свободы), а потом еще спускаться по неудобным ступенькам.

И все же, озаренные желтоватым светом фонарей городские улицы, были прекрасны. Резные перила перед входными дверями, присыпанные белым вымощенные тротуары, яркие витрины оставшихся работать магазинов, побелевшие скамейки и решетки с коваными узорами – все выглядело иначе в вечернем свете. Глядеть на них через окно едущего омнибуса было приятно, и Артур даже на время позабыл о своем недовольстве.

Интересно, как долго будут гореть фонари? Неужели всю ночь напролет? Если да, то он должен постараться вернуться домой пешком – по некоторым улицам стоило пройти медленнее, чтобы разглядеть, как меняются дома в мягком свете, отраженном белым покровом только начинающего собираться снега.

Пятый переулок выглядел также необычно, но немного мрачнее. Здесь горело лишь два фонаря, да и то только напротив самых больших и богатых домов, находившихся ближе к дороге. Дальше пришлось идти, ориентируясь по светящимся окнам.

В доме Риты было темнее, но он уже не удивлялся – Артур прекрасно помнил, что она не любит зажигать лампу и пользуется более слабыми свечами. За толстыми занавесками свет едва мерцал, и издалека казалось, что либо в доме никого нет, либо его обитатели уже легли спать.

Звук колокольчика показался более громким и резким. Наверное, так было из-за опустившейся тишины – снег поглощал звуки, не позволяя им отражаться и резонировать. Ночь была глухой и умиротворенной, и звонок разрезал эту тишину с пугающей остротой.

Через некоторое время он услышал скрип открывающейся двери, а затем на освещенной дорожке показался знакомый силуэт. Рита вышла к нему с непокрытой головой, кутаясь в толстый платок и держа в руках небольшой застекленный светильник. Она выглядела как человек из далекого прошлого, но ей это придавало даже какое-то очарование.

– Артур? – Она явно была удивлена.

– Да, я зашел вернуть открытки.

– Скорее входите.

Она открыла калитку и пропустила его во двор. Странно, но за этим низким забором уже казалось теплее, хотя такое, конечно, было невозможно.

В гостиной горел камин, а чуть дальше, на столе сияли все четыре свечи тяжелого металлического канделябра. В одном из кресел лежала книга. Артур опустился в другое кресло.

– Мне очень понравились последние из тех, что вы сохранили, – вынимая конверт из внутреннего кармана пиджака, сказал он. – Первые слишком уж нарядные. Хотя, такое говорить может кто угодно, кроме меня – я вообще расписываю торты, когда Юдифи нет на месте.

– Юдифь ваш главный кондитер? – спросила она, поднимая книгу и усаживаясь.

– Да.

Рита приняла из его рук конверт, а потом, немного подумав, сказала:

– Я с вами согласна – очень уж детскими выглядят те первые поздравительные карточки. Впрочем, я и была ребенком, когда сделала их.

– Они прекрасны, но старомодны. Я не хотел сказать...

– Я поняла, что вы имели в виду, и не обижаюсь.

Она могла заставить его нервничать, сказав всего одно слово. Станным было еще и то, что успокоить его также могло всего одно слово, сказанное ею же.

– Нынче делают или совсем грубые открытки или просто... просто копируют фотографии, – пожалала плечами она. – Не знаю, что бы выбрать для своей первой работы.

Артур оживился:

– Вы получили заказ?

– Нет... хотя, да. Сложно назвать это настоящим заказом, – Рита покосилась на дверь, находившуюся напротив входной – но другого сейчас ничего нет. Роберт сказал, что у одного из его одноклассников приближается день рождения, и попросил, чтобы я изготовила сорок пригласительных.

– И сколько у вас времени?

Очевидно, что сделать четыре десятка красивых пригласительных или поздравительных карточек было намного сложнее, чем испечь столько же пирожных.

– Неделя, – вздохнула она. – Если честно, маловато, но других дел все равно нет. Сегодня или завтра я придумаю сюжет, а после распишу от руки шаблоны и нанесу текст на обратную сторону.

Артур не имел представления о том, что значит учиться в престижной школе, но он мог предположить, что для такого подвига Роберту пришлось потратить немало сил. Предложить работу собственной матери – за такое могли дразнить малышом или сыночком еще очень долго.

– Я должна вернуть вам фотографии. Не могла наглядеться все это время. Если честно, у меня есть идея, и ею я обязана вашим снимкам. Что если расписать открытки снежным пейзажем? Это было бы красиво и празднично.

На этот счет у него имелось другое мнение.

– О, на моих снимках вы не найдете интересных моментов, но если выйдете прогуляться прямо сейчас, уверен, вас поразит то, что вы увидите на улицах.

– Так ведь темно, – удивилась Рита.

– Зажглись фонари, – объяснил он.

Она одарила его долгим непонятым взглядом, а затем медленно покачала головой.

– Нет, Артур, сейчас не могу. Но, не исключено, что пройду в другой вечер.

– Простите, – не зная, как правильнее ответить, он предпочел извиниться.

– Ну что вы, – улыбнулась она. – Я просто хочу напоить вас чаем. Можно?

– Я...

Ему нужно было уходить. С каждой минутой на улице становилось все холоднее, да и сугробы, наверное, росли очень быстро, а легкие ботинки вряд ли могли его защитить. И все же, вместо того чтобы отказаться, он согласился.

– Да, я был бы рад. Если это, конечно, не сложно.

– Я бы не предложила, будь это невыносимо тяжело. А потом вы можете остаться у нас в доме. На этом диване вам хватит места, тем более, на нем еще никто не лежал с тех пор, как мы заселились.

Она указала на диван, стоявший вдоль единственной глухой стены комнаты.

– Я вполне могу дойти до дома, – начал было он, но в этот момент Рита скрылась за дверью.

Когда она вернулась с подносом, Артур уже принял решение.

– Так вы остаетесь? Если хотите непременно уйти, держать вас я не стану, но мне бы не хотелось отпускать вас в такой холод. Думаю, утром, когда расчистят дороги, вы вполне сможете добраться до рабочего места на конке. А может быть, ваша машина осталась на улице? Вы можете завезти ее во двор.

– Нет, я приехал на omnibusе. Спасибо за ваше предложение, я, пожалуй, останусь.

Она обрадовалась. Он мог видеть это по ее лицу, по радостно вспыхнувшим глазам, по полуулыбке и на мгновение прикушенной губе.

– Я принесу вам одеяло и подушку. Но для начала, разумеется, выпейте чаю.

Ему еще не приходилось спать в такой постели. Большая прохладная подушка, пушистое одеяло, чистая и приятно пахнущая простыня. Рита погасила свечи, но камин все еще горел, и за окном было достаточно света. Оконные рамы больше не выглядели неуместными и слишком уж громоздкими – казалось, что они обрамляли живые картины, на которых был изображен заснеженный пейзаж. В доме было тихо и мирно, и где-то в другой комнате спала женщина, с которой он познакомился совсем недавно.

Тепло дома, который он, по каким-то странным и неизвестным ему причинам, не мог назвать чужим, действовало на него успокаивающе. Артур позволил себе закрыть глаза, чтобы уснуть до утра.

Глава 9

Рита. Первый сюжет

Она привыкла просыпаться пораньше – так можно было полежать в постели, предаваясь своим мыслям и эмоциям. Разум, еще не отягощенный дневными заботами и неурядицами, воспринимал окружающий мир легче и проще, и все планы казались вполне реальными. Однако на сей раз пробуждение сразу же принесло тревогу.

В доме спит незнакомец. Конечно, она предупредила Робби, но что делать, если мальчик испугается или не захочет видеть Артура за завтраком? Отпустить гостя просто так она не могла, но и расстраивать сына ей не хотелось. Закрадывались мысли о том, что ей стоило поступить иначе и позволить ему уйти домой еще вчера, но Рита быстро отмела их подальше. Как можно выпустить на улицу человека, обутого в ботинки на таких тонких подметках?

За окном было еще совсем темно, но полежав немного во мраке и привыкнув к нему, Рита смогла различить едва заметный синеватый свет, струившийся из окна. Она всегда ориентировалась по утреннему небу, не пользуясь часами, но теперь из-за выпавшего снега белое сияние выглядело холодным и незнакомым. Пришлось приподняться и посмотреть, который час.

Половина шестого. Наверняка этот Артур работает где-то далеко, так что нужно поторопиться. К тому же, Робби тоже следовало подняться пораньше.

Она оделась в теплое платье, собрала в сетку волосы на затылке и тихо вышла за дверь своей комнаты, а затем осторожно постучалась к сыну.

– Да? – ответил слегка хриплый спросонья голос Робби.

– Милый, нужно вставать. Иди на кухню и умойся, а я разбужу Артура.

Дверь открылась, и перед ней предстал Робби, все еще облаченный в пижаму.

– Он что, и завтракать с нами будет? – даже с некоторым возмущением спросил он.

Она лишь пожала плечами. Объяснять было нечего – она собиралась оставить Артура на завтрак.

– Я сейчас оденусь, – вздохнул Робби. – Дай мне минуту.

– Конечно.

Оставив его в покое, она прошла на кухню, разожгла сильнее огонь под нагретым котлом и зачерпнула оставшейся с ночи горячей воды в керамический кувшин. Вооружившись им и небольшой фарфоровой чашей, она набросила на плечо полотенце и прошла через коридор в гостиную, где должен был спать Артур. Перед самой дверью она остановилась, на мгновение, представив, что он уже ушел, и сейчас в этой большой темной комнате совсем пусто.

В свете оставленной на полу подвесной керосиновой лампы дверь была расписана смешными тенями. Странное зрелище.

Она толкнула дверь, стараясь не создавать шума.

Артур был в гостиной, но уже проснулся.

Она внесла чашу с кувшином, опустила все это на стол и положила рядом полотенце.

– Доброе утро, – отчего-то говоря шепотом, поприветствовал ее он. – Спасибо.

– Доброе. Не за что, умывайся. Я зайду через пятнадцать минут, и мы пойдем завтракать.

– Я... наверное, я лучше уйду. Вы и так многое для меня сделали.

– Оставайся, – попросила она. – Оставайся хотя бы на час, конки и омнибусы все равно еще не работают. На улице темно и холодно, а я приготовлю чай и обжарю хлеб, если ты, конечно, не против такой еды.

Он явно смутился.

– Я буду очень рад. Вы невероятно добры ко мне.

– Ну, что ты, не стесняйся.

Она вышла, не дожидаясь его ответа, поскольку и так было ясно, что он с трудом подбирает слова, боясь сказать что-нибудь неправильное.

Мальчики. Такие разные – ее Робби и этот странный Артур. Однако спросонья они довольно сильно походили друг на друга – растрепанные, потерянные и заторможенные. Обоим нужно было только одно – остаться в одиночестве и уделить немного времени себе, чтобы собраться с мыслями. Лишь потом, после всех этих дел, они начинали нуждаться в помощи – в приготовленном горячем завтраке, собеседнике и заботе.

Рита стояла у стола, выбирая лечебные травы и дожидаясь пока закипит вода. Нужно заварить особенный чай, на улице уже слишком холодно. Робби не слишком любил пить такой чай, но по утрам молча терпел и ничего не говорил. Интересно, как относится к такому Артур?

Надо же, он приглашал ее пройтись по улицам. Или это было не приглашение? Может быть, ей стоит как-нибудь выбраться одной? Почему бы и нет, в конце концов? Она свободна, у нее нет никаких обязательств перед другими людьми. Друзей тоже нет. Ждать некого, так что можно выйти в любой день.

Робби все же собрался первым – он вышел из дома и прошел в столовую, по дороге тихонько постучав в дверь. Так он обычно давал знать о том, что уже полностью готов и может помочь ей на кухне.

Рита выглянула, чтобы посмотреть на него и вежливо отказаться – она тоже поступала так каждый раз.

– Что мне сделать? – проводя рукой по волосам, спросил он.

– Ничего, иди в столовую иждидайся Артура. Постарайся быть обходительным.

Робби ничего не сказал, но едва заметно ухмыльнулся. Рита нахмурилась:

– Он хороший человек, вот увидишь.

Он все так же молча кивнул, но с места не сдвинулся.

– Что? – спросила она, косясь на плиту.

– Ничего. Не скажешь, что он мне еще понравится?

Она вышла за дверь, подходя к сыну почти вплотную и поправляя ему галстук.

Надо же, какой он теперь высокий.

– Я не знаю, понравится ли он тебе, это ведь не твой друг, а мой.

– Друг?

– Да, – улыбаясь, согласилась она.

– Если он твой друг, то я, пожалуй, буду обходительным.

Открывшаяся за его спиной дверь дома не дала ей сказать, как она гордится им, и она отпустила плечи сына, скрываясь на кухне.

Уже возвращаясь к плите, она услышала, приглушенный расстоянием и запертой дверью голос Робби.

«Я провожу вас в столовую».

Куда делось пожелание доброго утра или хотя бы простое приветствие, было непонятно. Если сейчас это значило быть обходительным, то Рита явно ничего не понимала в новых манерах.

Когда она вошла с подносом в столовую, мальчики уже вели довольно оживленную беседу.

Наверное, стоило раньше познакомить сына с Артуром. Теперь он казался на удивление раскрепощенным, достаточно дружелюбным и оживленным. Она никогда прежде не видела Робби таким естественным и активным в разговоре. Артур тоже казался менее смущенным – он охотно отвечал на все вопросы и даже смеялся.

Она тихо присела за свободный край стола, наливая чай и одновременно наблюдая за ними. Для нее было важно то, как именно они говорили, и она не старалась вникнуть в смысл

беседы. В конце концов, это был их разговор, а ей оставались лишь выражения лиц, жесты и эмоции.

– Мама, Артур приглашает нас пройтись по ночному городу сегодня вечером. Он утверждает, что там можно увидеть много интересного, – повернувшись к ней, неожиданно сказал Робби.

– Что ж, если он так говорит...

– Так вы согласны? – с такой неприкрытой надеждой в голосе спросил Артур, что сидевший рядом с ним Робби даже хмыкнул.

– Почему бы и нет, – неопределенно кивнула она. – Если Робби захочет остаться дома, я отправлюсь сама.

– Что ж, если ты ему веришь, то отчего я должен отсиживаться в доме.

Артур настороженно замер – всего на долю секунды. Наверное, подумал, что Робби передразнивает свою мать, копируя одну из ее последних фраз.

Если он и дальше будет общаться с ними, то поймет, что их отношения невозможно понять стандартным образом, наблюдая и подмечая детали.

За время отдельной жизни между Ритой и ее сыном создались странные отношения, которые состояли не в том, о чем они говорили, а в том, о чем предпочитали молчать. В недосказанности было больше смысла и тепла, чем в нескончаемых словах.

Снег все шел, и к вечеру на обочинах дороги выросли внушительные сугробы. Переулок расчищали всего раз, а потому сейчас, когда они шли втроем, ее ноги едва не увязали в пушистом снегу.

– Я провожу вас до дома, не беспокойтесь, – сразу же сказал Артур, когда зашел за ними в пять часов. – Скоро стемнеет, но омнибусы ходят до восьми, так что мы вполне успеем пройтись, а затем я вернусь домой.

– Разумеется, – согласился Робби. – На таком холоде вряд ли мы сможем уйти слишком далеко.

Теперь Артур был одет в хорошие сапоги на толстой подошве, а на плечах у него красовалось настоящее черное пальто из толстого драпа. Беспокоиться о нем не было смысла – он даже не забыл повязать широкий шерстяной шарф, на котором таяли редкие снежинки.

Шли молча, словно боясь разрушить чарующую, пьянящую тишину, в которую был погружен переулок. Улицы были немного оживленнее, но все же не такими шумными, как днем.

Так вот что его так очаровало...

Темно-желтый, почти оранжевый свет фонарей струился сверху, очерчивая контуры будок, киосков, скамеек и лестниц. Все то, что выглядело серым и мрачным во время дня, теперь приобретало загадочный оттенок. Линии становились мягче, снежные шапки на козырьках и парапетах уже не казались слепящими или холодными – они были окрашены в теплые тона, словно являясь праздничными украшениями. До Рождества оставалось чуть больше месяца, и традиционную иллюминацию еще не развесили, но улицы выглядели такими чистыми и уютными, что гирлянды были и не нужны.

Смена освещения играла такую роль? Неужели все можно изменить всего одним движением? Рита удивлялась тому, что не видела этого раньше.

– Фонари просто прекрасны, – заметила она, пропустив Робби немного вперед и поравнявшись с Артуром.

– Подождите, будут еще витрины. В следующем квартале работает магазин, если вы согласитесь дойти до него, то увидите, как необычно выглядит витрина в темное время.

– Словно Рождество уже наступило, не находишь? Не думала, что фонари и эти... кружевные решетки могут выглядеть так красиво.

– И я не предполагал.

Они прошли еще немного, когда Артур осторожно и очень тихо сказал:

– Это не кружевные, а кованые решетки. Так правильнее. Простите, что поправляю...

Его вежливость была почти невероятной – он говорил так аккуратно, тщательно выбирая нужные слова, что Рите казалось, будто он все время боится ее чем-то обидеть.

– Что ты, я ведь и вправду не знала. В следующий раз уже не ошибусь.

Вечером о тротуарах никто не заботился, и теперь под ногами слегка хрустел тонкий слой успевшего опуститься снега. Робби шел впереди, и Рита наблюдала за его походкой, движениями, и тем, как он оглядывается по сторонам.

Не видит ничего красивого, хочет скорее вернуться домой. Ничего страшного, сам вызвался, пусть терпит.

Что если бы он шел не один, а с другом? Наверняка, они нашли бы, о чем поговорить.

Она даже улыбнулась своим мыслям.

– И часто ты так ходишь? – поинтересовалась она, когда они приближались к следующему кварталу.

– Нет. Сегодня в первый раз вышел под снег.

– Правда? Не похоже.

– Просто в прошлый раз я ехал в омнибусе и смотрел в окно. Открыл для себя много нового, подумал, что, возможно, и вам понравится.

Она повернулась к нему и осторожно взяла за запястье, сжав руку через толстую ткань пальто.

– Спасибо тебе, Артур. Это волшебно.

На всех виденных ею открытках художники пытались ухватить ощущение праздника. Блестящие ленты, лаковое покрытие, ангелочки и игрушки, подарки – все эти атрибуты праздничной жизни непременно изображались на открытках, края которых обязательно были украшены каймой орнаментов и замысловатых завитков. Но настоящее ощущение легкости и волшебства возможно и без всего этого. Заснеженная ночная улица не нуждалась в украшениях – нужны были лишь невысокие фонари.

– Вокруг так красиво. Это вдохновляет, – сказала она, отпуская его руку. – Кажется, я начинаю понимать, что нужно для открыток, чтобы они получились необычными и светлыми.

Широкая дорога, уходящая в перспективу и озаренная светом редко расставленных фонарей, на бумаге выглядела не так красиво, как в жизни. Рита долго не могла понять, что же ей нужно на самом деле, и добавляла то одни, то другие детали, стараясь уловить то самое чувство, возникшее при прогулке.

По обоим краям от дороги выросли здания – учебные центры, фабрики и парки. Разумеется, на то, чтобы выписывать все в деталях, просто не было времени – пришлось ограничиться небольшими отличительными чертами. В окнах предполагаемого института красовались не занавески, а микроскопы и глобусы; фабрику нужно было выделить трубами и эстакадами.

В конечном счете, ночное небо было решено сделать светлым, и загадка исчезла. Зато появилась дорога, на которой не было препятствий. Не было машин, карет и экипажей. Не было прохожих. Была лишь чистая перспектива. Мечта о том, что каждый из этих мальчиков, одноклассников Робби, сможет пройти по этой дороге и остановиться у нужной точки. Кто-то станет финансовым предпринимателем, кто-то юристом. Робби тоже будет волен выбрать свою остановку. Когда пожелает.

Она сомневалась, стоило ли убирать фонари – зачем же нужен искусственный свет, если на открытке уже нет никакой ночи? И все же, они придавали картинке какую-то целостность

и изящество. А еще, как ни странно – надежду. Уменьшавшиеся по мере того как дорога уходила вдаль, фонари делали открытку объемной и живой.

Картонный трафарет, акварель и пять дней неустанной работы.

Она забросила стирку и уборку на все это время, с головой погрузившись в рисование. Робби сам готовил себе завтрак и обед, не тревожа ее и не задавая вопросов.

Когда все было готово, она, наконец, вышла из комнаты и отправилась на кухню, чтобы набрать себе горячей воды и принять, наконец, ванну. Наполнить стальную емкость было нелегко, кипяток приходилось носить несколько раз, а потом еще разбавлять его холодной водой, но лежа в тепле и тишине, за плотной занавесью, отделявшей кухню от ванны, Рита, наконец, ощутила себя живым и полноценным человеком. Она завершила работу и при этом осталась довольна.

После этого она вытерлась простыней, надела чистое платье и вернулась в свою комнату, чтобы сделать еще одну копию, пока не стемнело.

Глава 10

Артур. Портрет прекрасной дамы

Фотопластинки были дорогим материалом, и Артур покупал их раз в два месяца. В упаковке было всего двадцать штук, но даже это он не всегда успевал израсходовать. Поиски подходящего сюжета, выбор времени и погодных условий, а также собственное переменчивое настроение не позволяли ему заниматься фотосъемкой регулярно. В результате у него скопилось несколько коробочек еще не использованных пластинок, на которых можно было оставить любое изображение. Он предпочитал покупать их время от времени, поскольку боялся, что наступят времена, когда он больше не сможет позволить себе подобную трату денег.

Бережливость влияла и на творчество (Рита утверждала, что фотография – это тоже творчество). Истратив одну пластину и увидев, что результат не так хорош, как ему хотелось, Артур обычно очень расстраивался. Однако эти выходные были другими – никакого сожаления или страха он не испытывал.

Конрад жил ближе к центру города, но в его мастерской обычно не было народу. Отпечатывать негативы приходили только профессиональные фотографы, которые не желали тратить время на самостоятельную работу. Им приходилось делать столько снимков за один день, что на получение настоящей картинки уходили бы долгие часы, а этого они себе позволить не могли. Таких людей было не очень много, но они соглашались платить хорошие деньги, и потому дело Конрада процветало. Клиенты приходили, оставляли свои коробки с фотопластинками, он отмечал их в журнале, а потом отпускал на целый день. Если работы было слишком много, он покупал себе обед, закрывал мастерскую и полностью уходил в процесс получения позитивного изображения.

Артур нашел его совершенно случайно – используя парочку пластин, он отправился в город, надеясь найти мастерскую, где можно было бы получить результат за сходную цену. Кабинка Конрада встретила его первой на его пути. Над дверью не было вывески, о роде деятельности хозяина можно было догадаться только благодаря большой фотографии под стеклом, выставленной за дверь и стоявшей прямо на земле.

«Если у тебя всего пара снимков, приходи в любое время, прогуляйся с часок и возвращайся назад. Я отдам их тебе недорого и без очереди, только старайся не светиться и не стучись слишком громко, если дверь будет закрыта».

Большого Артуру было и не нужно.

Теперь он взял с собой всего две пластины и направлялся к Конраду, преисполненный уверенности в том, что сможет, наконец, получить портрет Риты.

Впрочем, эти ожидания немного омрачались вероятностью неудачного снимка. Все же, он никогда не фотографировал людей до этих пор, да еще и волновался.

– Давненько тебя не было, – пожимая ему руку, сказал Конрад. – С чем на этот раз? Еще пара пейзажей?

Артур покачал головой:

– Две пластинки, один портретный снимок.

– Да что ты? Людей начал фотографировать? – Кажется, Конрад был действительно удивлен.

– Я бы так не сказал.

– Так что же это – портрет собаки или лошади?

Артур даже отшатнулся. Шутка показалась весьма неудачной, и он уже хотел возразить, но в этот момент Конрад опять заговорил, объясняя свое предположение:

– Есть и такие чудачки. Ты бы видел, сколько богатеньких мальчиков и девочек стремится запечатлеть свой образ в обнимку с пушистым щенком или котенком. Однажды даже горноста́й был.

О, это многое объясняло.

– Нет, я не снимал животных. Это портрет... да ты и сам увидишь.

Конрад спрятал руки под фартук – он часто так делал, и Артур не знал, с чем связана такая привычка. Вообще, мастер всегда был в приподнятом настроении, но говорил мало и предпочитал просто уточнять, что за работа предстоит на этот раз. Он был одет в неизменную клетчатую рубашку и черные, заправленные в сапоги брюки. Фартук из грубой ткани не имел ни одного отличительного знака грязной работы, на нем никогда не бывало пятен или брызг, но Конрад всегда носил его.

– Ну, хорошо. Погуляй пока, через час возвращайся.

– На этот раз мне нужно две копии портрета.

– Да хоть десять. Все будет нормально, на времени это не отразится. Заплатишь чуть больше, вот и все.

Почему-то Конрад никогда не отмечал Артура в своем журнале. Видимо, считал, что такие мелкие заказы не заслуживают пристального внимания. Впрочем, Артуру было все равно, главное, что фотоснимки получались почти сразу же и были отличного качества.

За прошедшие дни он почти не виделся с Ритой.

Прежде всего, не было времени – заказы в кондитерской шли нескончаемой чередой, и Юдифь стала оставлять его на вечер, чтобы сделать заготовки для следующего дня. При таком ритме работы он зарабатывал весьма прилично, но под конец, когда ему все же удавалось добраться до постели, Артур был полностью истощен. Сил не оставалось ни на что, и он, едва заставлял себя умываться и менять одежду.

Второй причиной было отсутствие повода. Даже когда у него выдавался выходной, он не смог найти предлога для того чтобы вернуться в Пятый переулок и позвонить в колокольчик у калитки. После того как он познакомился с Робертом, прошло уже больше двух недель, но он все еще был под впечатлением.

Этот мальчик определенно знал, чего хотел от жизни. Он ясно и четко выражал свои мысли, держался уверенно и не рассуждал о незнакомых вещах. Возможно, Роберт был обеспокоен его частыми визитами, так что сразу же начал расспрашивать Артура о том, почему он так настойчиво приходит в их дом.

– Вы намеренны и дальше наведываться сюда?

– Полагаю, что еще как минимум один раз.

– По какому поводу?

– Ваша мать позволила мне сделать портретный снимок, я должен принести ей копию.

– Вот как? И что же вы собираетесь делать со своим экземпляром?

– Оставлю для себя.

– Зачем?

– Я нахожу весьма занятным лицо вашей матери.

– Занятным? С какими же людьми вы привыкли проводить время?

– Вы хотите узнать, где я работаю?

– Где и кем, если вам не сложно. А также, сколько вам лет и нет ли у вас невесты, что придет одним прекрасным утром и набросится на мою мать с кулаками.

– Нет, я не обручен и даже не... у меня нет... никого на примете. Я ни с кем не вижусь.

– И каким ремеслом вы зарабатываете на жизнь?

– Послушайте, у меня создается впечатление, будто вы принимаете меня за угрозу.

– Верное впечатление, именно так я вас и воспринимаю.

– Я работаю в кондитерской, мое дело замешивать тесто. Иногда продаю и работаю с клиентами. Что еще? Вы сами ничего о себе рассказать не хотите?

– Я ведь не хожу к вам домой и не пытаюсь соблазнить вашу родственницу.

– Это уже смешно.

– А мне кажется, что это, скорее, грустно.

– И все же, мне было бы интересно узнать немного о человеке, только что подвергшем меня такому суровому допросу.

– Мне шестнадцать, и я учусь в школе. Достаточно для вас?

– Вполне.

– У вас много друзей?

– У меня нет друзей.

– Отчего?

– У меня есть знакомые, но я обхожусь без друзей. В моей профессии не нужно разговаривать, и я вижу достаточно праздничных тортов, чтобы не испытывать желания устраивать вечеринки для близких.

– И все же, у вас есть камера.

– Есть, верно.

– Разве вы не снимаете своих приятелей?

– Нет. Я изредка фотографирую то, что мне нравится, поскольку не умею рисовать.

– Что же вам нравится?

– Природа. Вчера вечером решил заснять городской пейзаж.

– Случайно не Пятый переулок?

– Нет, но это тоже отличная идея. На любой улице можно найти что-нибудь примечательное. Вы и сами можете это увидеть, если пройдетесь со мной сегодня.

– Вы приглашаете нас?

– Если это можно назвать приглашением.

– Что же интересного можно увидеть на городской улице?

– Я не могу этого объяснить, но мне кажется, что ваша мама это оценит.

– Отлично. Узнаем, что она сама думает по этому поводу?

Артур не знал, был ли серьезен Роберт, когда говорил о том, что его маму пытаются соблазнить. Почему люди судят так мелко? Он надеялся, что Роберт не сказал матери ничего подобного.

Впрочем, он действительно очень много думал о ней. Даже сейчас, проходя по городским улицам и разглядывая дома, он помимо желания отмечал места, которые было бы хорошо посетить в ее компании. Рита могла бы стать для него хорошим другом – с ней можно было говорить о чем угодно, и она понимала его. Она еще ни разу не осудила его, лишь принимая все его слова и не задавая лишних вопросов. Такой друг мог бы стать бесценным сокровищем, если бы это был мужчина, но Рита была женщиной, да еще и незамужней. Что если он испортит ее репутацию?

Он даже ухмыльнулся, и проходившая мимо незнакомка с удивлением посмотрела на него.

Испортить репутацию? Что за глупости, у нее и так нет никакой репутации после развода. Впрочем, возможно, она надеется восстановить доброе имя и выйти замуж вновь? Нужно было выяснить это, поскольку на его взгляд этот вопрос имел большое значение.

Артур прекрасно осознавал, что им движет эгоизм и собственный интерес, но ничего не мог с этим поделать. Конечно, разумный человек поступил бы иначе – для порядочного мужчины не существовало других вариантов кроме как оставить свободную женщину, если он не собирался на ней жениться. Однако здесь Артур не мог похвастать таким благород-

ством. Хотя он явно испытывал некоторые сомнения, ему все же хотелось продолжать видаться с Ритой.

За этими размышлениями он не заметил, как отведенный Конрадом час подошел к концу. Часы на небольшой площади вернули его к реальности, и Артур повернул обратно. Нужно было возвращаться в мастерскую.

Конрад встретил его с фотографиями в руках.

– Держи свою прекрасную даму, – хохотнув, сказал он.

Артур предпочел воздержаться от ответа, просто заплатив положенную сумму и забрав свои отпечатанные снимки. Они были еще слегка липкими, и он завернул их в предварительно принесенный конверт, который склеил еще в перерыве на работе.

Была ли она прекрасной или нет, Артур не знал. Фото получилось не таким, как он ожидал – лицо было слишком маленьким, поскольку сама Рита оказалась запечатленной в полный рост. На снимке ее полнота бросалась в глаза немного сильнее, и теперь ему было ясно, почему Конрад так странно отреагировал на эту фотографию.

Впрочем, неважно. Теперь он получил то, чего так хотел, и может провести несколько часов за исследованиями.

Добраться до дому ему удалось только к вечеру – он бродил по городу, выслеживая интересные лица и замечая необычные места. К концу дня у него уже гудели ноги, и он с облегчением опустил на свою кровать – единственный предмет мебели, на котором можно было отдохнуть. В его доме была лишь эта кровать, тумбочка и подвесная лампа. Больше в эту тесную комнатку все равно бы не поместилось, и у него не было желания переезжать в другое место. Цена его устраивала, он привык к соседям и хозяевам, и уже поменял замок на двери, опасаясь того, что его немногочисленные богатства попадут в другие руки.

Видимо, от того, что решение сфотографироваться пришло к ней неожиданно, и Рита была явно неподготовленной, на ее лице застыла отстраненная улыбка. Она не казалась напряженной или наигранно веселой – она просто стояла на одном месте, сняв шляпу и помогая ему запечатлеть пейзаж.

Все же, у нее было красивое лицо. Сейчас можно было смотреть на нее сколько угодно, и Артур позволил себе заметить, как красива линия ее губ, и как безупречны слегка приподнятые брови.

Где-то между этими мягкими чертами пряталась загадка, которая осталась заключенной за стеной ее контроля и умения хранить свои секреты.

Глава 11

Рита. Идея

Конечно, Антон не пришел к обещанному сроку, но Рита уже ничему не удивлялась. В те выходные у нее было слишком мало времени для того чтобы задумываться о причинах, по которым бывший муж не нашел свободной минутки для того чтобы навестить сына. К тому же, если такое постоянно происходило во время законного супружества, то почему он не мог пропустить воскресный обед, когда между ними уже не осталось никаких обязательств?

Удивление пришло позже, когда через несколько недель он все же решил заглянуть к ним в выходной. Для нее это стало полной неожиданностью, впрочем, как и для Робби.

– Мама, кажется, у нас гость, – постучав в дверь ее комнаты, сообщил Робби.

Рита подумала, что это может быть Артур – в гости обычно приходил только он.

– Скажи ему, что я скоро выйду.

– Мама, это отец.

Она отложила расписанные картонные карточки в сторону, на мгновение просто остановившись и глядя прямо перед собой. Это странное ощущение возникало уже во второй раз, и было связано с неожиданными визитами Антона. Нечто среднее между волнением, страхом и разочарованием. Уютный мирок, в котором она проводила свои однообразные будни, рушился, и ей это не нравилось, поскольку она знала, что через часок-другой Антон просто уйдет из этого дома, и уж точно не будет вспоминать о ней.

Она поднялась из-за стола и открыла дверь, обнаружив, что Робби все еще стоит за порогом, ожидая ее ответа.

– Дай мне несколько минут, я должна сменить платье.

Робби украдкой покосился на ее одежду и поджал губы, очевидно, не понимая, почему она не может выйти прямо сейчас. Однако он, как и в большинстве других случаев, оставил свое мнение при себе и просто кивнул, уходя в гостиную.

До обеда оставался еще час, и Рита решила просто выйти, чтобы узнать, зачем он пришел.

Прекрасно осознавая, насколько трусливы эти мысли, она все равно надеялась на то, что Робби будет в гостиной в тот момент, когда она встретится с бывшим мужем. К сожалению, ее чаяния не оправдались – Антон ожидал ее в одиночестве, стоя у окна и внимательно глядя за стекло. На один короткий миг у нее возникло желание просто сбежать – сделать вид, что она не открывала дверь. Однако ей было известно: несмотря на свой отсутствующий вид, Антон прекрасно знает, что она уже появилась в комнате.

– Здравствуй, – слишком уж тихо поприветствовала его она.

Он повернулся к ней, закладывая руки в карманы и выдавая тем самым свое волнение. Хотя, может быть, ей просто показалось? С чего бы ему переживать?

– Добрый день, Рита. – Его взгляд скользнул по ней, и Антон выпрямил спину. Ей не удалось истолковать это движение, хотя она довольно хорошо знала значение всех его жестов. – Я, наконец, решил зайти.

– Я рада тебя видеть.

Он ухмыльнулся, опуская глаза и переступая с ноги на ногу.

– Пожалуйста, не нужно формальностей. Ты ведь знаешь, что между нами уже давно все сказано.

Тем удивительнее становились причины его прихода.

– В таком случае, я лучше позову Робби, а сама пойду на кухню. Я обещала тебе воскресный обед и собираюсь выполнить свое слово.

– Хорошо.

Даже сейчас, безумно волнуясь и испытывая страх, Рита понимала, насколько глупыми были все эти церемонии. В самом начале Робби пришел к ней, чтобы она поздоровалась с отцом, а теперь ей самой нужно было идти к сыну, чтобы он составил Антону компанию? Не слишком ли много лишних движений?

Все же, она решила оставить их наедине, дабы не мучиться от неловкости. Да и зачем все эти метания? Она теперь ничем не обязана Антону, так что может свободно игнорировать его.

Время за приготовлением обеда прошло незаметно. Ей нравилось суетиться по хозяйству – в самые сложные дни это отвлекало ее от грустных мыслей. Если бы в первое время после развода она не проводила долгие часы за уборкой, стиркой и обустройством дома, то наверняка утонула бы в беспросветном унынии, наполнявшем ее жизнь после расторжения брака. Сейчас уже казалось невозможным то, что она так долго не занималась домашними делами, доверяла приготовление еды нанятым работницам, а сама тем временем проводила свои дни в праздности и тоске. Ежедневная суета вытеснила из сознания воспоминания о прошлой жизни, и времени на то чтобы раздумывать, анализировать и терзаться сомнениями уже не оставалось.

Впустить ли Антона в столовую? Рита немного подумала, но после решила, что и так идет на достаточно большой компромисс, разрешая ему находиться в этом доме. Целесообразнее было бы отпускать Робби на выходные, чтобы он мог провести с отцом хоть немного времени. Впрочем, она никогда его не держала, прекрасно осознавая, что мальчик и сам не горит желанием идти в дом, где Антона вполне может и не оказаться. Выслушивать вежливую ложь («Он вернется через четверть часа») было унижительно даже для ребенка, а ведь Робби уже давно перестал быть малышом. Он вырос и приобрел черты, которых прежде она в нем не замечала. Эти новые свойства характера делали его непохожим ни на одного из родителей. Все же Робби поразительно отличался от них обоих, и Рита даже гордилась этим.

Значит, Антон вполне может обойтись обедом в гостиной. В конце концов, бывали и такие времена – еще в первые годы ее замужества, когда они жили в доме поменьше. Тогда они принимали гостей, чаще всего деловых партнеров и будущих инвесторов, с которыми Антон тщательно налаживал отношения. Многие из этих встреч ни к чему не привели, но он не сдавался до тех пор, пока не добился успеха. На это ушли годы, зато теперь он сам превратился в такого человека – к нему обращались за помощью и жаждали его одобрения. Оставалось надеяться на то, что он не забыл о тех днях, когда они угощали посетителей прямо в гостиной.

Поднос был довольно тяжелым, но Рита решила вынести сразу все. Кроме того, в этом доме еще ни разу не подавался обед из трех блюд, так что беспокоиться было не о чем.

Когда она вошла в комнату, Робби сразу же соскочил со своего места, направляясь к ней с явным желанием помочь.

– Сиди, дорогой, все хорошо.

Она опустила поднос на стол, который, к счастью, оказался пустым, а затем принялась раскладывать тарелки.

Ей было интересно, как все это воспринимает Антон, но она решила не поднимать глаза, дабы не сбиться окончательно. Сам же он хранил загадочное молчание, тихо наблюдая за ней и даже не разговаривая с Робби.

В этом обеде было что-то до ужаса непривычное и даже противоестественное. Возможно, она действительно должна была отправить сына к бывшему мужу – по крайней мере, на выходные. Эти мысли подпитывались ощущением, подсказывавшим ей, что она была здесь явно лишней. Наверное, именно так Робби чувствовал себя во время той ночной прогулки под снегом, когда она и Артур обсуждали тени, формы и свет, а он шел впереди и просто смотрел перед собой, держа руки в карманах.

– Так значит, ты решил, что тебе не по душе крикет? – спросил Антон, когда она разложила все по местам и заняла свое место за столом.

– Да.

– И ты уверен в том, что не собираешься принимать участие в следующем турнире?

– Совершенно уверен, хотя у меня имеются сомнения касательно решения нашего тренера. Скорее всего, большее чего мне удастся добиться – это перевода в запасной сектор.

С этими открытками и фотографиями Рита стала меньше общаться с сыном, и теперь ей казалось, что всего за час он успел рассказать отцу намного больше, чем ей за весь прошедший месяц.

– Спорт делает мужчину целеустремленным и дисциплинированным, – заметил Антон. – Эти качества пригодятся тебе в будущем, так что ты должен еще раз тщательно все взвесить, прежде чем принять решение.

– Я уже дважды все проверил и пришел к выводу, что крикет мне не нужен.

– Возможно, эти перемены и наш с матерью развод повлияли на тебя таким образом, но могу заверить тебя, что ты не пожалеешь, если обдумаешь свое решение еще раз.

В этом была вся его натура – Антон мог давить до последнего, пока не добьется желаемого ответа. Рита насторожилась, внимательно следя за течением беседы и ожидая момента, когда можно будет перетянуть все его внимание на себя, облегчив участь сына. Все же, выдержать напор Антона мог далеко не каждый взрослый и опытный бизнесмен, а что касалось Робби, то он был еще школьником.

– Эта идея появилась у меня еще задолго до того, как вы с мамой решили жить в разных домах.

– Крикет не мешает школьным дисциплинам, ты можешь совмещать спорт и науку. Все так поступают. Кроме того, даже я нахожу время для тенниса.

Да, если все осталось как прежде, то он играет в теннис два раза в неделю. Это помогает ему поддерживать свое тело и дух в боевом настроении. Рита даже усмехнулась – на это он выделял куда больше времени, чем на разговоры с ребенком. Неудивительно, что любой диалог, завязывавшийся между ним и Робби, неминуемо приводил к конфликту. Исключение составляли пустые обсуждения и замечания, когда сын старался держаться отвлеченно и не вникать в предмет разговора.

– Крикет отнимает у меня много лишнего времени.

– Научись воспринимать это время не как лишнее, и ты поймешь, что крикет приносит еще и пользу.

– Да, конечно.

Робби так резко пошел на попятную, что Рита поначалу даже растерялась. Антон, судя по поднятым бровям и недоверчивому взгляду, тоже пришел в смятение. С другой стороны, чего еще можно было ожидать? Очевидно, что Робби просто положил конец дискуссии, не дожидаясь, пока это сделает она. Посчитав, что его долг выполнен, он поблагодарил ее за обед, вежливо попрощался с отцом и вышел из гостиной, вновь оставив их наедине.

Интересно, каково это – сидеть в доме, где каждый человек избегает тебя?

– И ты одобряешь это? – Антон повернулся к ней.

– Я вообще ничего об этом не знала, – пожала плечами она.

– Речь не об этом. Сейчас ты одобряешь его?

– Мое мнение ничего не решает, так какая разница, что я об этом думаю.

– С чего ты взяла, что твое мнение ничего не решает? Роберт и ты...

– Он здесь не при чем. – Она впервые перебила его. – Я сама не хочу, чтобы мое мнение сейчас влияло на него, вот и все. Ты прекрасно справляешься и без меня.

– Если я оставлю его воспитание на тебя, он вырастет проходимцем или авантюристом.

Рита даже завела глаза к потолку:

– Боже, Антон ты говоришь так, словно твоя работа не связана с авантюризмом. Он даже подался вперед, внимательно глядя на нее.

– Как жаль, что ты больше не моя жена.

Да, в те времена, когда она считалась его супругой, Рита не позволяла себе подобных высказываний. Теперь она была свободна и могла говорить все, что взбредет в голову. Впрочем, он мог вложить в эти слова и иной смысл, но об этом Рита предпочла не думать. Нет, он не желает воссоединения и не тоскует, это было очевидно. Тешить собственное самолюбие, черпая вдохновение из мельком оброненных фраз, было слишком унижительно, так что она просто пропустила эти слова мимо ушей.

– Ты придешь еще?

– Разумеется.

– Я думала о том, что, возможно, Робби стоит приходить к тебе.

– Не хочешь видеть меня в своем доме?

– Не могу сказать, что хочу или не хочу, просто так будет удобнее. Ты ведь приходишь к нему, я вам только мешаю.

– Конечно, я прихожу только к нему. Если ты не против, то буду приходить и впредь, пока он не съедет.

– Значит, к тебе нельзя?

Антон опустил ресницы, те самые красивые пушистые ресницы, которые так нравились ей в прежние годы. Это движение было быстрым и незаметным, оно могло легко пройти мимо, растворившись между словами, но Рита успела поймать этот момент.

В доме есть женщина. Так сказали дрогнувшие ресницы.

– Не беспокойся, – тщательно следя за голосом, произнесла она. – Я могу готовить еду для вас, а после уходить на прогулку, либо ты можешь забирать его в ресторан. Однако если ты все же считаешь, что лучше устраивать подобные встречи, то я готова принять тебя в этом доме в любое следующее воскресенье.

Ей было любопытно, научился ли он читать ее так же хорошо, как и она теперь понимала его? Вопрос, разумеется, остался без ответа. Антон очень быстро спрятался в скорлупу деловых отношений, где каменное лицо за переговорами могло спасти многолетний труд и внушительный капитал.

Едва она успокоилась и вновь взялась за кисть, как Робби постучался в ее дверь. Не дожидаясь ответа, он просто сообщил:

– Артур снова пришел.

Все же ему еще не нравился этот ее новый знакомый. На самом деле Артур не заходил уже довольно давно. В первые дни, когда она еще надеялась получить свой фотопортрет, Рита испытывала беспокойство, но теперь ей казалось, что все это лишнее. Если он оставил снимок себе, то в этом нет ничего страшного. Если решил посмеяться над ней, жалеть все равно поздно.

И вот теперь он явился.

– Да, дорогой, я сейчас выйду.

Как все же здорово, что она не успела сбросить платье.

Рита мельком посмотрела в небольшое зеркало, а потом вышла в коридор, направляясь в гостиную.

Он ждал ее, стоя возле камина. И почему мужчины не занимают кресла, пока не встретятся с хозяйкой?

– Добрый день, – предварительно прочистив горло, поприветствовал ее он.

– Добрый. Чем обязана?

Он потупился, словно чувствуя себя виноватым.

– Сегодня я, наконец, заказал печать фото. Ваш портрет у меня с собой. Хотите взглянуть?

– Хочу, – улыбнулась она. – Однако для начала я принесу тебе чаю, а ты пока присядь. Стол в твоём распоряжении, если угодно выложить снимки.

– Я принес только ваше фото.

Она уже собиралась выйти за дверь, но остановилась.

– Почему? – с искренним разочарованием спросила она.

– Был всего только еще один снимок, и он не очень красивый. Я подумал, что вам не понравится.

– Я даже сама еще не знаю, что мне может понравиться. Мне было бы интересно взглянуть на любой снимок, если его сделал ты.

Ее привычка угощать Артура чаем, на самом деле была рождена из неуверенности и смущения. Она просто не знала, что делать с молодым человеком, сидевшим в ее гостиной. Вероятно, он и сам не до конца понимал цель своих визитов. От этого постоянство, с которым он возвращался в этот дом, было еще более непонятным.

– Итак, где же мой портрет?

Он вынул из сумки белый конверт и передал ей. В прошлый раз его снимки были перевязаны бечевкой.

Со снимка на нее смотрела странная женщина. Высокая и полная, она была почти грузной, но слишком уж молодой для того чтобы считаться безнадежной. Странное выражение лица – не улыбка, не равнодушие, что-то между. Словно, она сама не знает, чего хочет – помахать в камеру или скрыться из поля зрения. Качество печати не позволяло разглядеть ее во всех подробностях, но было ясно, что выглядит она нелепо.

Почему она разглядывала себя как совершенно чужого человека? Словно эта женщина на фотоснимке была незнакомкой, а не той, кого она видела каждое утро в зеркале.

– Вы уже изменились, а я так вас и не разгадал.

Его слова вернули ее к реальности, и Рита подняла глаза.

– Прошу прощения?

– Вы уже не та, что на карточке. Сейчас вы другая, отчего стали еще более таинственной для меня.

– Я все та же, уверяю.

Артур покачал головой, но ничего не сказал.

Она знала, что спорить с ним не стоило. Он был прав – молодая женщина на фото была другой, совсем не такой, как она. И когда же она успела измениться? Фон снимка явственно говорил о поздней осени, а сейчас на дворе стояла самая лютая зима. Всего за пару месяцев?

– Мне нравится твоя работа, – честно сказала она. – Я заплачу тебе за снимок.

– Я же говорил вам, что не хочу этого.

Настал ее черед качать головой.

– Нет, я хочу заплатить, потому что твоя помощь мне понадобится снова. Возможно, еще не раз.

Он поднял голову, глядя прямо ей в глаза, что позволило ей попытаться прочесть выражение его взгляда. Кажется, он был удивлен и обрадован.

– Вы говорите серьезно?

– Да, абсолютно. Приходи когда сможешь, приноси камеру, я буду рада заказать тебе еще один портрет.

Было бы логично, если бы он спросил, зачем ей это, но его, очевидно, совершенно не интересовали причины. Неожданность ее предложения застала его врасплох, и теперь он просто кивнул.

– Я приду завтра же вечером.

– Вечером будет темно... хотя, постой. Я зажгу лампу, на прошлой неделе Робби принес стеклянный абажур, теперь она стала светить не так ярко, да и выглядит гораздо лучше, чем в бумажном.

– Завтра же, – повторил он, как будто боясь, что она откажется от своих слов.

После этого он довольно быстро собрался уходить, и Рита не стала его удерживать. Однако уже на пороге он остановился и даже задержал дыхание, видимо, собираясь задать вопрос.

– Я хотел спросить... какими получились те открытки? Те, что вы изготовили для класса Роберта?

Робби упорно держал свое мнение при себе. Она получила заработанные деньги, которых все равно было слишком мало, и после этого сын погрузился в молчание. Он не стал грустнее или раздражительнее и по-прежнему радовался, когда она садилась за работу над новыми образчиками, но еще ни слова не сказал о том, понравились эти пригласительные ему или нет.

– Я не знаю. Их не вернули, и то хорошо.

– Мне хотелось бы взглянуть на них.

Станным образом ее обрадовали эти слова. Ей явно недоставало внимания, и теперь это простое желание оценить ее первую работу казалось прекрасным.

– У меня остался один экземпляр. Я могу показать тебе его прямо сейчас.

Артур посмотрел на нее долгим взглядом, а потом улыбнулся.

– Я обязательно приду завтра, и буду благодарен, если вы покажете мне его именно тогда.

Странное условие, но Рита согласилась без раздумий. По крайней мере, он еще ни разу ее не подвел.

Глава 12

Артур. Второй портрет

После рождественских праздников работы убавилось – люди перестали заказывать выпечку, отдыхая в своих домах от утомительных вечеринок и развлечений. Отдыхала и кондитерская, в которой теперь нужно было работать только полдня – с утра до обеда. После этого весь товар сбывался в руки заказчиков, и Юдифь отпускала всех по домам. Это было как раз кстати, поскольку Артур считал, что должен непременно зайти к Рите и сделать еще один портрет.

Конечно, он, как и обещал, зашел на следующий же день после того, как она попросила его о повторном снимке, но в тот раз ничего не получилось – Роберт постоянно вертелся где-то рядом, и она предпочла ограничиться лишь уже превратившимся в традицию чаепитием.

Сын Риты вел себя очень осторожно – ничего не говорил, не вмешивался в разговоры и никого не отвлекал, но всегда находился поблизости, не выпуская их из виду. В другое время Артура это начало бы раздражать, но сейчас он не был уверен в том, что поведение Роберта вызывает у него гнев или обиду. В конце концов, при первой же беседе мальчик высказал ему свое мнение, заявив, что Артур соблазняет его мать. Это по-прежнему казалось смешным, но подобные предположения, по сути, не были лишены смысла – все-таки она оставалась незамужней и еще совсем не старой женщиной, в то время как сам Артур также не мог похвастаться семьей и детьми. Визиты к одинокой даме расценивались весьма специфично, особенно если речь шла об особе, с которой молодой человек не связан кровным или законным родством.

Снег держался до самого Рождества, но после этого погода изменилась, и теперь на улице чаще всего было сыкоотно и уныло. Артур терпеливо выносил поездки на омнибусах, поскольку не мог позволить себе пеших прогулок – даже самые прочные ботинки успевали промокнуть насквозь уже через полчаса такой ходьбы.

В следующее воскресенье он смело направился к Рите, взяв с собой камеру, и твердо решив сегодня же сделать еще один снимок.

Теперь он чувствовал себя гораздо лучше, ведь она сама проявила инициативу, и ощущение того, что он навязывает ей свое общество, пропало. Артур позвонил в знакомый колокольчик, ожидая, когда она откроет дверь.

Рита была одета в легкую кофточку и длинную юбку, и только теперь ему бросилось в глаза то, как сильно она похудела. На ее плечах лежал теплый платок, а на губах играла улыбка, когда она подходила к калитке.

– Скорее проходи в дом, – пожимая ему руку, сказала она. – Сегодня необычно холодно.

Он послушно проследовал за ней, размышляя о том, почему она никогда не одевалась подобным образом до этого момента. Темно-синяя блузка удивительно хорошо сочеталась с красивой черной юбкой, и теперь Рита больше не казалась нелепой или слишком уж полной.

– Вы прекрасно выглядите, – отчаянно краснея, сказал он.

Артур не привык делать комплименты, и соблюдение правил приличия не входило в список его талантов, поскольку воспитывался он в совершенно иной атмосфере. Однако сейчас, глядя на нее, невозможно было удержаться, а потому он усилием воли подавил смущение и все же выдал из себя эти слова.

Рита обернулась, все еще улыбаясь и глядя прямо ему в глаза.

– Спасибо. Я не каждый день наряжаюсь в новые кофточки, но сегодня был особый случай.

– Можно узнать, почему? – чувствуя, что молчание будет невежливым, спросил он. Впрочем, ему и вправду хотелось это узнать.

– Потому что я ходила в местное почтовое отделение, продавала свои открытки. Точнее, я еще их не продала, это только предстоит сделать. Однако мне удалось договориться.

– Почтовое отделение?

– Да. Я долго думала о том, где же мне стоит продавать свои открытки, и решила, что имеет смысл попытаться договориться напрямую с теми, кто эти самые открытки отправляет. Я уже выслушала достаточно отказов в те дни, когда пыталась найти работу, так что еще одно «нет» для меня ничего бы не изменило.

Она опустила в кресло возле горевшего камина, а он занял место напротив – как обычно. В этом порядке было что-то успокаивающее; по крайней мере, не приходилось гадать и сомневаться, где лучше устроиться.

– И как прошло собеседование?

Она вздохнула.

– Не могу сказать, что хорошо, но и не так ужасно, как казалось поначалу. Встречу мне назначили еще два дня назад, так что у меня было время подготовиться. Я выбрала лучшие, на мой взгляд, открытки, а также потратила неразумную сумму денег на новую одежду, дабы выглядеть хорошо.

Вот откуда у нее эти вещи. Что ж, хотя бы из-за этого поход уже можно было считать успешным – такой преобразившейся Артур ее еще не видел, и теперь испытывал даже какой-то восторг.

Между тем она продолжала:

– Сегодня почти у всех выходной, но на почте согласились принять меня. К тому же, наше отделение почему-то устраивает отдых в понедельник, и у меня появилась надежда. В общем, они уже и забыли о том, что мне назначена встреча – секретарь потерял записку, и меня приняли как... сумасшедшую или чересчур наглую барышню. После длительного вступления и разбирательств – ты не представляешь, сколько мне пришлось доказывать, что я действительно записывалась к начальнику; в следующий раз обязательно возьму справку или хотя бы подпись секретаря – я все же попала в кабинет.

Такие мытарства Артуру были знакомы – он не раз проходил через эти утомительные процедуры, будучи еще подростком. Теперь он отлично понимал ее желание поделиться своими злоключениями, поскольку Рита просто фонтанировала словами, чего прежде с ней никогда не случалось.

– Ну, так вот, начальником оказался мужчина лет сорока. Он был достаточно вежлив, но очень уж... очень уж холоден. Впрочем, это неважно. Просмотрев все принесенные мною открытки, он сказал, что может взять только три из десяти представленных образцов, да и то, если я изменю размер и добавлю ярких красок. Так что теперь до среды мне нужно выполнить тридцать открыток – по десять каждого вида, и при этом соблюдать установленные стандарты. Ты знал, что у открыток есть свои стандарты?

– Нет, не знал.

– Оказывается, у них должны быть свободные места для наклеивания марок, а также одинаковые размеры, поскольку так их легче упаковывать и перевозить.

Она говорила так оживленно и самозабвенно, что Артур с трудом узнавал обычно спокойную и степенную Риту.

– Надеюсь, для вас это не создает особых трудностей? – осторожно спросил он.

– Нет, но я все же очень волнуюсь. К тому же, он сказал, что не может купить мои открытки, но выступит в качестве посредника. То есть, если они понравятся клиентам, и их будут покупать, то я буду получать деньги с проданного товара, а если будут лежать без дела, то мне их вернут уже через неделю. Но это хотя бы какая-то надежда, ведь у меня совершенно нет перспектив и особых талантов, а деньги скоро совсем закончатся.

– У вас все будет прекрасно.

Она кивнула, но ничего не ответила.

– Вы не верите мне? – спросил он, пытаясь заглянуть ей в глаза.

Рита пожала плечами.

– Если бы мне удалось взглянуть на открытку, которую вы изготовили для вашего сына... я имею в виду, на ту, что осталась у вас после предыдущей работы, то я бы говорил сейчас с полным основанием, и вы бы мне верили безоговорочно.

На ее лице отразилось множество эмоций – растерянность, искренняя радость, а потом и сожаление.

– Артур прости меня, просто я не хотела докучать тебе. Решила, что ты спросил просто из вежливости, и подумала, если ты вспомнишь, значит, тебе действительно интересно. Это так некрасиво с моей стороны.

Глядя на нее, невозможно было удержаться от улыбки.

– Мне интересно, – только и сказал он.

Она почти сразу же поднялась и вышла за обещанной открыткой.

Когда она вернулась и вручила ему ее, Артур был немного удивлен тем, что увидел. Никакого праздничного лоска, однако, смотреть на открытку было приятно. В ней было нечто неуловимо знакомое, и он не мог понять, отчего у него возникает такое чувство. Впрочем, если дело касалось Риты или того, что с ней связано, странностей всегда хватало. Открытка была такой же загадочной и необычной, как и сама художница, что ее изготовила. Артур задался вопросом, поймут ли школьники всю красоту и оригинальность такого пригласительного, но, немного подумав, решил, что в шестнадцать лет человек уже способен отличить откровенную дешевку от настоящей работы.

– Красиво, – вспомнив о том, что Рита ждет его комментариев, только и сумел сказать он. Другие слова на ум не приходили.

– Спасибо, – со сдержанной радостью ответила она, словно понимая, что на самом деле он хотел сказать гораздо больше.

Фотографироваться она решила прямо в комнате. Для этого ему пришлось задернуть шторы, пока она зажигала лампу и убирала со стола лишние предметы.

На его вкус, в комнате все было безупречно. Старинный камин, который, очевидно, в прежние времена выглядел гораздо ярче, теперь также смотрелся весьма внушительно. Тяжелое кресло с жесткой обивкой и широкими ручками, столик на резных ножках, канделябр – вся обстановка дышала духом прошлого.

– Где мне лучше встать? – спросила она, разглаживая складки на юбке.

– Вы можете сидеть в кресле. В прошлый раз я сфотографировал вас на берегу, теперь можно попробовать другое положение, если вы не против.

– Да, скорее всего, лучше мне остаться в кресле.

Она опустилась, напряженно выпрямив спину и глядя прямо перед собой.

– Как мои волосы? – касаясь аккуратно уложенных локонов, спросила она.

– Все хорошо, – заверил он ее, искренне считая, что лучше уже быть не может.

– Может, мне стоит...

– Мне все нравится, но если вам хочется что-то изменить, то я не вправе запрещать вам.

Ему хотелось, чтобы она осталась такой же, как и была, ничего не добавляя и не убирая от этого образа.

– Представляешь, у меня еще не было таких портретов, – смущенно улыбаясь, призналась она. – Я всегда фотографировалась только вместе с другими людьми, в компании или рядом с супругом. Однажды с Робби, когда он был еще младенцем. Исключение лишь ваш первый снимок.

– Я могу фотографировать вас хоть каждый месяц, – зачем-то сказал Артур, сразу же осознав, как глупо звучат эти слова.

Однако она, вопреки его ожиданиям, серьезно задумалась, а не рассмеялась.

– Это очень дорого, а тебе нужно заниматься пейзажами.

– Пейзажей сейчас нет.

– Почему? Тебя не привлекают заснеженные холмы и леса?

– Не нахожу их привлекательными. К тому же, на моих фото они потеряются, моим работам недостает четкости, а обилие белого стирает контуры.

– Но ведь ты можешь снимать улицы. Ты сам показал, как удивительно красив город в такое время.

– Ночью не хватает света.

– Так ты уже пробовал?

– Нет, я просто знаю.

Рита прикрыла глаза рукой и тихо засмеялась.

– Ты безнадёжный пессимист, Артур, тебе об этом говорили?

– Нет.

– Прости, но я говорю правду. Отчего ты не хочешь попробовать? Ты ведь тратишь на меня пластинки, значит, можешь рискнуть хоть один раз.

Он кивнул, соглашаясь с ней. Разве оставалось что-то другое? Ему еще не приходилось общаться с кем-либо так открыто, как это было с ней, а потому он полагал, что она имеет право говорить такие вещи.

К тому же, он очень хотел попросить ее расслабить спину, но просто не решался сделать такое замечание. Поэтому он лишь ограничился тем, что попробовал найти подходящее положение для себя, опускаясь на одно колено и держа камеру прямо перед ней.

– Так близко, – после того, как рассеялся дымок от вспышки, сказала она. – Не боишься, что мое лицо получится слишком уж крупным?

– Главное то, чего боитесь вы, – просто ответил он. – Меня порадует любой снимок.

Она явно смутилась, но постаралась скрыть это, отводя глаза в сторону.

– Я несколько раз отправлялась на прогулки вместе с сыном. Было не так красиво, как с тобой.

– Возможно, потому что вы уже знали, чего ожидать, – как можно нейтральнее сказал он, испытывая не слишком приятное чувство от осознания, что она выходила смотреть на ночной город без него.

– Если бы я могла связаться с тобой, то непременно пригласила бы, будь уверен, – словно читая его мысли, сказала она.

– В доме, где я живу, нет телефона.

– У меня, как ты заметил, его тоже нет. А жаль, мне хотелось бы время от времени совершать небольшие вылазки вместе с тобой, пока еще лежит снег. Это будет длиться до конца февраля, так что времени у нас не очень много, учитывая, что мы оба теперь работаем.

Идея родилась неожиданно, и потому Артур даже не успел как следует все обдумать, прежде чем слова сами вырвались наружу.

– Я помню, что вы довольно часто ходили в магазин недалеко от Старого квартала. – Она удивленно подняла на него глаза и медленно кивнула. – Дело в том, что я работаю в этом самом квартале. Серединная улица, там всего одна кондитерская. Если... – запас слов снова иссяк, и он уже не знал, как закончить мысль, чтобы не казаться слишком наглым.

– Иногда я прихожу в тот магазин – там продается замечательный и недорогой хлеб, – со свойственным ей спокойствием заговорила она. – Видишь ли, я теперь делаю покупки только в Старом квартале – там цены ниже, а мой кошелек далеко не всегда может осилить другие варианты. Но вот что меня интересует: не будет ли возражать твоя начальница, если я появлюсь на пороге кондитерской и отвлеку тебя от работы?

На него нахлынуло такое облегчение, что он даже почувствовал, как по спине прокатывается прохладная волна, и расслабляются мышцы.

– Приходите в любое время, – сказал он. – Я смогу выйти на несколько минут, даже если буду очень занят.

Она снова улыбнулась – теперь тепло и обнадеживающе – и пообещала:

– Тогда на днях я нанесу тебе визит.

Глава 13

Рита. Кондитерская

Снег украшал город и в дневное время, но под робким солнечным светом все вокруг выглядело каким-то сонным и подозрительно тихим. Рита без спешки шла по тротуару, направляясь в кондитерскую Серединной улицы, Старого квартала. В магазин было решено зайти позже, поскольку толкаться у прилавка, держа при этом на руках полный пакет продуктов ей вовсе не хотелось. На ней было теплое суконное пальто, не слишком длинное и тяжелое, как раз подходящее для похода в магазин.

Итак, кондитерская носила оригинальное название «Сладкий мир». Рита даже усмехнулась, глядя на тусклую вывеску, которую, вероятно, уже давно не обновляли. Из этого можно было сделать вывод, что клиенты здесь не переводились и завлекать новых покупателей уже не приходилось. Значит, выпечка здесь продается хорошая. Она задумалась, стоит ли ей купить пару пирожных к обеду, но потом решила, что Робби к сладостям равнодушен (разве что иногда может выпить горячего шоколада), а ей подобные лакомства будут вредны.

Все же она довольно сильно похудела, что особенно бросалось в глаза, когда она стояла перед зеркалом, держа в руках ту самую фотографию, которую Артур сделал поздней осенью. Именно поэтому ей нужен был еще один снимок – она полагала, что так сравнивать будет проще, но мальчик зачем-то попросил ее остаться в кресле, и теперь она не была уверена в том, что второй портрет будет походить на первый.

Когда она вошла в дверь, над ее головой тихонько звякнул колокольчик, оповещающая продавца о том, что в кондитерскую пожаловал покупатель, которым Рита, в сущности, не являлась. Девушка, которая сидела за прилавком, оторвалась от газеты и прошла вперед, приветствуя ее.

– Добрый день.

Через большие стеклянные витрины проходили косые, приглушенные солнечные лучи, разбавленные снежным отражением, и все помещение было наполнено мягким светом.

– Добрый день, – вежливо ответила Рита. – Я хотела бы увидеть Артура, если можно.

Девушка явно удивилась – одна ее бровь поползла вверх, и она поджала губы.

– Отвлекать кондитеров во время работы запрещено, – равнодушно ответила она после непродолжительной паузы.

– Мне очень жаль, что я помешала, – извинилась Рита, уже собираясь уходить.

– Однако если вы немного подождете, – собеседница указала на один из стульев, расставленных вдоль стены – то, возможно, сумеете увидеть его в перерыве. Это будет через десять минут.

«Какое везение», – подумала Рита, принимая предложение девушки, и усаживаясь на стул.

Странное помещение – никаких выставленных на обозрение товаров. Очевидно, здесь не торговали в свободном порядке – еще до перерыва девушка уже приняла и отпустила двух клиентов, забиравших готовые заказы в больших картонных коробках. Здесь царил удивительный порядок и минимализм. Сплошное дерево – прилавки, панели, стулья, картинные рамы (на холстах вполне ожидаемо были изображены торты и пирожные – хоть какое-то напоминание о том, что она находилась в кондитерской), перегородки и двери. Все из дерева, почти однотонное, отполированное и чистое.

Артур показался немного раньше – уже одетый в кожаную куртку и держащий в руках кепи. Он сразу же увидел ее и остановился, очевидно, не зная, как поступить. Ничего, она привыкла к тому, что люди ее стыдятся – Рита просто поднялась со стула, незаметно кивнув

ему и направляясь к выходу. Так он сможет солгать, что не знает ее, а она при случае скажет, что искала кого-то другого. Правда, это будет сложно, поскольку она уже назвала его по имени, но зато ему не придется объясняться с девицей у прилавка, и проблем для мальчика не будет.

– Рита, вы ведь ко мне? – вдруг раздалось позади.

Она повернулась к нему, почти слыша удары своего сердца. Непонятно, что именно так сильно взволновало ее, но она едва смогла удержать спокойное выражение лица.

– Да.

– Так почему же вы уходите? Или... может, вы хотите пройтись?

– Я на минутку, скоро уйду, – словно оправдываясь, пробормотала она.

– Я сейчас же сменю куртку, и мы сможем уйти. Подождете?

Девушка за прилавком ухмыльнулась:

– Она и так прождала тебя полчаса.

Внимание Артура переключилось на нее.

– И ты не позвала меня? Почему ты мне ничего не сказала?

– Не положено, – очевидно, не испытывая сожаления пожала плечами она.

– Положено или нет... а впрочем, Роза, все понятно. В следующий раз зови меня сразу же, вот и все.

– Я продавщица, а не консьержка, – беззлобно ответила Роза.

Рита почувствовала себя неудобно. Уж лучше бы он притворился, что не знает ее, так было бы приличнее.

Между тем он уже вышел из внутренней двери, держа в руках серое опойковое пальто.

– Пойдемте, – открывая перед ней дверь и пропуская вперед, сказал он.

– Я не думала, что это вызовет такие сложности, – очутившись на улице, начала извиняться она. – Если бы...

– Это не проблемы, просто Роза вредничает со всяким, кто не платит денег, вот и все. Винить ее в этом грешно, поскольку хозяин часто проверяет нашу работу, а он также не любит, когда в магазине находятся посторонние.

– У вас нет витрины. Точнее есть, но она пустует, – заметила Рита. – И ты оделся в куртку. Все такое странное у вас в вашем магазине.

– В пекарне еще более странно, но вам лучше туда не заглядывать, – улыбнулся Артур. – Обычно я предпочитаю ездить на мотоцикле во время перерыва, а пальто мешает, поэтому я надеваю куртку.

– Холодно, простудишься.

– Уже простудился бы, если бы мог.

– Неужели?

Он остановился, вынуждая ее сделать то же самое.

– Вы хотели мне что-то сказать, – глядя на нее с какой-то непонятной болью, сказал он. Его голос был немного хриплым.

– Да, – ощутив эти перемены в нем, Рита немного растерялась, но продолжила говорить, как ни в чем не бывало. – Я зашла сказать, что сегодня хотела бы пройтись с тобой. Вечером, если можно.

– А как же ваши открытки?

– Мои открытки...

То, как хорошо он помнил все, что она ему говорила, почти пугало.

– С ними все прекрасно. Я вчера сдала их в почтовое отделение, их измерили и одобрили. Остается ждать.

– Значит, вы свободны?

– Абсолютно.

– Я буду рад прийти к вам сегодня вечером. Если вы не возражаете, я хотел бы показать вам другую часть города – там тоже много интересного. Больше кованых решеток, витрин и даже есть мерцающие вывески. Я еще не бывал на тех улицах вечером, но полагаю, что вид там прекрасный.

– Хорошо, – кивнула она. – Так даже лучше, будем гулять в другом месте, где нас никто не знает.

– Придется проехать на конке.

– Это не беда, я люблю ездить в общественном транспорте.

– Никогда этого не любил, – вяло заметил он. – Однако мне еще не приходилось ездить в компании.

– Значит, это будет первый раз, – стараясь улыбаться и выглядеть при этом не слишком напряженной, сказала она.

Раз уж он все равно надел куртку, Рита подумала, что может провести с ним весь перерыв. В конце концов, он был не против – судя по тому, что он медленно шел рядом с ней, не останавливаясь и не выказывая желания уйти обратно.

Ходить рядом с молодыми людьми ей еще не приходилось – перед тем как выйти замуж за Антона, она видела его всего несколько раз, да и то во время семейных обедов, когда ее мама делала все возможное, чтобы произвести хорошее впечатление. Тогда Рита была юной, стройной и красивой девушкой, перед которой открывались все двери. В те времена она не понимала, сколько преимуществ может дать приятная внешность, но теперь, растеряв все то, что люди называют красотой, Рита стала ярче ощущать, как нелегко быть непривлекательной.

В почтовом отделении все говорили с ней сквозь зубы, а служащий, который проверял открытки на соответствие, окинул ее таким презрительным взглядом, что она была готова провалиться сквозь землю.

– Никогда не стыдитесь себя, – вдруг сказал Артур, вновь делая остановку.

На этот раз они встали прямо на углу, где заканчивался Старый квартал.

– Я и не стыжусь, – солгала она.

– Мне приходилось носить такие вещи, что... в общем, это были лохмотья. Обувь, которая просила каши, брюки, которые болтались над ботинками, свитера, рукава которых были испещрены дырами и уже расплетались... Я тоже стыдился себя, полагал, что заслужил тот смех, которым меня одаривали остальные дети. Но вот, теперь у меня есть приличная одежда, и надо мной уже никто не смеется, хотя я остался прежним. Значит, и того смеха я тоже не заслуживал.

Непреодолимое желание коснуться его, накатило на нее тяжелой волной, но Рита удержалась. Трогать нельзя, она не имеет права портить этот момент.

– Я заслужила, – едва слышно сказала она, признаваясь тем самым, в том, что действительно стыдится себя. – Быть толстым совсем не то же самое, что быть бедным.

– Никакой разницы. Для меня никакой.

– Ты просто святой.

Он улыбнулся с такой горечью, что она потупилась и даже съежилась от этого взгляда.

– О, я далеко не святой. – Последовавшее за этим молчание затянулось, и они явно мешали прохожим, так что через некоторое время он вздохнул и расправил плечи. – Мне пора возвращаться, Юдифь, наверняка ищет меня.

Ей хотелось бы проводить его или, по крайней мере, побыть рядом еще немного, но она не решилась предложить ему это.

– Мы ведь встретимся вечером? – вместо этого спросила она. – Ты ведь зайдешь?

Артур немного подумал, а потом сказал:

– Это будет очень нагло с моей стороны, если я попрошу вас вернуться со мной? Не спрашивайте, зачем, просто скажите, согласны или нет.

Они виделись редко, да и были знакомы всего чуть больше трех месяцев, но Рита поняла, что сейчас с ним происходит нечто странное.

– Конечно, мне совсем не сложно, – согласилась она.

– Я познакомлю вас с Юдифью, если она окажется на месте, – пообещал он. – Она будет рада видеть вас.

Рита предпочла не спрашивать, откуда Юдифи известно о ее существовании. Она просто двинулась обратно по улице, держась рядом с ним.

Обратная дорога была короче – шли они быстрее, молча и думая о своем. Поэтому, когда показалась уже знакомая вывеска «Сладкий мир», Рита немного напряглась. Бог знает, что за женщина эта Юдифь.

Снова звякнул колокольчик. Розы на месте не было – очевидно, перерыв еще не закончился. Внутренняя дверь была открыта, и помещение оказалось заполненным сладким запахом ванильного сахара, топленого молока и сливочного масла.

– Кто вернулся? – донеслось из пекарни.

– Артур, – отозвался он, снимая пальто.

– Мог бы еще поездить на своей дешевой машине.

– Я не один.

Послышались уверенные шаги, а затем в дверном проеме появилась высокая темноволосая женщина. Статная, строгая, крепкая – Рита поразилась своеобразной красоте и идеальной осанке Юдифи.

– Познакомься, это Рита, – только и сказал он.

Юдифь прошла в «магазин», откинула доску прилавка и приблизилась к ним, не снимая фартука. От нее пахло выпечкой, на ее лице играла загадочная улыбка, и Рита сразу же почувствовала к ней симпатию. Все говорило о том, что эта женщина не представляет опасности.

– Я Юдифь, – коротко сказала она, протянув ей руку.

Рита осторожно ответила на крепкое рукопожатие, подумав, что обычно этот ритуал выполняется мужчинами.

– Так вот какая вы... Родной, иди, погуляй.

– Перерыв скоро закончится, – возразил он.

– Я ее не съем, иди, – прямо сказала Юдифь, коснувшись его локтя.

Он покачал головой.

– Просто хотел, чтобы вы познакомились.

Рита чувствовала себя еще более неловко, чем во время сцены с Розой, и теперь страстно желала уйти из кондитерской, чтобы больше никогда не возвращаться.

– Закажите что-нибудь, и тогда я увижусь с вами вновь, когда Артур не будет охранять вас, – между тем посоветовала Юдифь.

– У меня сейчас нет денег. Я поняла, что в вашем заведении выполняют только большие заказы, а я могу себе позволить только пару пирожных, да и то, наверное, не самых дорогих.

– Я вычту из его зарплаты, не стесняйтесь, – открыто улыбаясь, успокоила ее Юдифь.

– Нет, зачем же... я лучше приду еще раз просто так. Подожду вас, вот и все.

Новая знакомая смотрела на нее, не отводя взгляда красивых темных глаз. Ее четко очерченные брови, прямая линия носа, высокие скулы – все говорило о сильном характере, и Рита почти восхищалась ее красотой.

– Хорошая идея, – одобрительно кивнула она. – Стоит предупредить Розу, чтобы она не выпускала Артура, если вы придете именно ко мне.

Рита не смотрела на своего спутника, но была уверена, что его лицо залито краской – не то гнева, не то смущения. Неважно.

Значит, ей предстояло нанести, по меньшей мере, еще один визит в этот странный магазин-пекарню, который назывался «Сладким миром», но не имел украшенной витрины и пол-

ностью состоял из деревянных покрытий. Здесь работали стеснительные мальчики с фотоаппаратами и мотоциклами; молодые девушки, читавшие газеты; и женщины, говорившие прямо, но в то же время загадками. Рита не могла сказать, что она от этого в восторге, но общество новых знакомых было ей приятно.

Артур взглянул на нее, и в его глазах было столько надежды, что она еще раз протянула руку Юдифи, словно скрепляя договор:

– Я зайду завтра. Может быть, даже куплю что-нибудь, если у вас найдутся излишки.

– О, я уверена, что пирожные номер один придутся вам по душе.

Артур переступил с ноги на ногу, и в это мгновение в магазин зашла Роза. Настал подходящий момент, чтобы улизнуть, и Рита вежливо попрощалась с Юдифью, заметив, что задорные искорки в ее глазах сменились задумчивостью и даже грустью.

Глава 14

Артур. Для кого эта камера?

Рита стеснялась сама себя. Это было ясно по тому, как она шла, как смотрела вокруг и держала руки. Все в ней говорило о том, как сильно она стыдится своей внешности – застывший взгляд, прикушенная нижняя губа, неестественно прямая спина, напряженные плечи, даже прерывистое дыхание. И почему он не заметил этого раньше?

Артур знал ответ на этот вопрос – прежде они никогда не ходили по людным местам. В тот раз, когда они отправились к реке, она казалась другой – уверенной, элегантной, красивой. Прогуливаясь по безлюдным ночным улицам, она была свободной и увлеченной. Теперь все эти достоинства обращались в недостатки, и она теряла всю свою привлекательность, закрываясь и становясь уязвимой.

С другой стороны, это говорило о том, что рядом с ним она чувствует себя в безопасности. Она не ожидала, что он станет смеяться над ней, осуждать или задавать лишние вопросы. Этим можно было бы гордиться, но Артура слишком сильно злила ее неуверенность. По каким причинам она так сильно боится людей? Как она могла так безрассудно обращаться с тем, что имела?

Прогулки по ночным дорогам стали выходом для них обоих – каждый раз выбирая другой район, он показывал ей дорогу и водил по улицам, которые казались ему особенно занятыми. В такое время вся неловкость пропадала, поскольку по ночам гулять выходили лишь немногие. В тусклом свете фонарей Рита переставала обращать внимание на редких прохожих, ее тело расслаблялось, взгляд теплел, и она говорила с ним, не замечая других.

И о чем же с ней беседовала Юдифь? Эта женщина, с которой он был знаком уже почти десять лет, до сих пор оставалась для него неизвестной, хотя сама, очевидно, полагала, что является для него кем-то вроде доброй мачехи. Да и что интересного она могла сказать Рите?

Работа в кондитерской наладилась – отголоски праздников стихли, и заказы посыпались в привычном ритме. Варить тесто стало проще, особых пожеланий не было, и Артур довел свое дело почти до автоматизма, не растрачивая силы на лишние движения и совершенно не беспокоясь о том, каким выйдет результат. Пирожные и торты всегда получались одинаковыми, и хозяин слегка повысил ему заработную плату, поскольку клиентам пришлось по душе такое постоянство. В самую пору было бы радоваться, но Юдифи это явно не понравилось.

– Не хочу, чтобы ты обосновывался здесь, – как-то раз, отпуская его на перерыв, сказала она. – Ты становишься все более умелым и опытным в нашей профессии, но такая работа не для тебя.

Он остановился, даже не сняв куртку с вешалки.

– Почему? Меня все устраивает.

Она подняла на него темные глаза – почти такого же оттенка, как и у Риты, но в то же время совершенно другие.

– Ты разве не хочешь заслужить эту женщину? Она не так проста, как кажется на первый взгляд, ты не можешь оставаться здесь и при этом рассчитывать на светлое будущее.

– Заслужить? Боже, вы все просто неправильно меня понимаете. Я не собираюсь на ней жениться, она намного старше меня и, кроме того, ее сын меня ненавидит.

– Все меняется, а возраст не имеет такого значения, как тебе кажется. Будь она девчонкой, ты бы на нее и не взглянул.

– Я смотрю на всех подряд, просто не каждый может заставить меня задуматься.

Юдифь улыбнулась:

– Я об этом и говорю, дурень ты этакий. Ради нее ты готов отказаться от поездки на своей шумной скотине, я уж не говорю о том, как ты набросился на Розу, узнав, что она заставила ее ждать в магазине.

Артур пожал плечами. Юдифь не любила мотоцикл, каждый раз называя его разными именами и всегда относясь к нему с крайним презрением.

– Ты посмотри на себя, родной, ты же прожженный эгоист, каких еще никто не встречал, даже я, хотя я перевидала немало народу.

Он молчал, хотя и был с ней не согласен. Эгоисты – это те, кто думает лишь о себе, а он... а что он?

– Накопив денег, ты не додумался купить нормальную машину, которая стоит почти так же как твоя двухколесная турбина, ты купил то, на чем сможешь ездить один. Тебе не нужна компания, у тебя нет друзей, и ты ни с кем ничем не делишься. Но на следующий день ты был готов даже на то, чтобы я вычла из твоей зарплаты на ее пирожные. Она оказалась благородной взрослой дамой и ответила отказом, но у тебя от этого в глазах прямо слезы застыли.

Вспоминать об этом было непросто, и он даже поморщился, борясь с желанием сказать что-нибудь резкое. Все же, Юдифь взрастила его, спасла от нищеты и ничего не просила взамен. Она была редким человеком, и к ее словам стоило прислушиваться даже сейчас, когда он не находил в них ничего приятного.

– Она сделает то, что ты не позволил сделать мне, но ты и сам должен стремиться наверх. Заслужи ее, Артур, она прекрасная, честная и скромная женщина. Уж не знаю, где ты ее нашел, но мне она нравится.

– Я фотографирую ее время от времени, – вдруг выпалил он, даже сам ругая себя за это.

– Что? – Она даже подняла голову, глядя на него с неподдельным удивлением.

– На накопленные деньги я купил камеру.

– И давно?

Он ожидал, что Юдифь обидится на него за то, что он так долго ничего ей об этом не говорил, но она была лишь заинтересована и даже любопытствовала.

– Нет, не очень... хотя, это было еще до мотоцикла.

– Ты скопил приличную сумму... хватило и на камеру, удивительно.

– Мотоцикл стоил недорого. Эти машины перестали выпускать, потому что их сочли слишком непрактичными, и у хозяина он долго стоял в гараже рядом с автомобилем. Он продал мне его за полцены, когда решил высвободить место.

– Расскажи про камеру, про твой ревущий велосипед я ничего знать не хочу.

Он растеряно поднял брови, не зная, что именно она хочет от него услышать.

– Что я могу сказать... купил, потому что хотел фотографировать пейзажи. Она тоже не новая, но работает достаточно хорошо.

– И много у тебя фотографий?

– Нет еще. Нет времени.

– Я спрашиваю о Рите. Ты часто ее фотографируешь?

– Нет. По-моему, ей это не нравится, и я не настаиваю. Есть всего только два снимка.

Юдифь заулыбалась, глядя на него почти со снисхождением.

– Родной, ты должен отсюда выбраться. Незачем тебе совершенствоваться на кухне, это хорошая работа, но она не сделает тебя счастливым. Впервые за все время я чувствую гордость за тебя, и теперь даже надеюсь, что ты сможешь прожить самостоятельно.

Рита выглядела уставшей и даже немного расстроенной. Она пришла в назначенный час к нужному месту, где они и договорились встретиться, но при этом у нее был какой-то опустевший взгляд, а ее лицо выглядело слишком бледным. Глядя на нее, Артур сомневался, что она сможет получить от прогулки какие-то приятные впечатления.

– Куда идем сегодня? – спросила она, и он удивился тому, как обыденно и даже бодро звучит ее голос.

Такой контраст был чем-то неестественным, и он подумал, что достичь такого эффекта можно только годами изнурительной работы.

– Сегодня просто пройдемся, никаких омнибусов и конок, – мгновенно меняя планы, сообщил он. – Эта улица вполне подходит для прогулки.

Она просто кивнула и зашагала рядом с ним в полном молчании. Конечно, ему хотелось узнать, что с ней случилось, но спрашивать было слишком неудобно. Пришлось также идти в тишине, ожидая, что она сама начнет говорить.

Пустые надежды – Рита думала о своем, разглядывая дома и фонари, словно потерявшись в однообразии и уникальном ритме форм. Дома пестрели похожими балконами, отбрасывавшими странные тени на фасады зданий. Желтоватые блики лежали на стеклах и отражались от витрин, и они вновь потерялись в потоке спокойного течения ночной жизни. Казалось, Рита даже забыла о том, что у нее есть попутчик – она просто шла, выдыхая облачка белесого пара и изредка поджимая губы.

Да и кем он, в сущности, был, чтобы она делилась с ним своими переживаниями?

К его удивлению, уже через полчаса, ее лицо изменилось. Исчезла небольшая складка между бровями, посветлел взгляд, и она уже не походила на строгую и печальную женщину, ожидавшую его у магазина в начале вечера.

– Перестань на меня смотреть, – улыбнулась она еще через несколько минут. – Я просто немного устала, и к тому же, была немного зла на... на тех, кого теперь можно назвать работодателями.

– Вы устроились на работу?

Артур так и слышал, что она говорит о том, как устроилась на место уборщицы в каком-нибудь убогом заведении. От этого становилось не по себе, и он закрыл на мгновение глаза, пытаясь отогнать от себя плохие мысли.

– Нет, я о почтовом отделении.

Это было уже лучше, хотя он все еще не понимал, что могло ее так сильно расстроить.

– Как же с ними сложно. Сегодня я пришла еще раз – меня предупредили, чтобы я сама наведывалась примерно раз в неделю, – но меня, оказывается, совсем не ждали. Выплатили какую-то сумму, которую я даже не могу разделить на количество проданных открыток, чтобы выяснить, по какой цене они их отдавали покупателям. Нет, не в деньгах причина, тем более, что сумма все равно довольно приличная, но... я не хочу, чтобы они меня обманывали.

– Ваше право, ведь это именно вы изготавливаете открытки.

Рита кивнула, и в ее глазах даже вспыхнула улыбка:

– Именно. Однако когда я начала спрашивать более настойчиво, эта девица сказала, чтобы я зашла еще через два дня, поскольку из-за моего слишком раннего визита она не успела подготовить отчет. Всего тридцать открыток, они сказали, что продано было только двенадцать, но даже отказались показать мне оставшиеся. И еще этот странный и хамоватый мужчина сообщил мне, что мои открытки не совсем вписываются в стандарт – нужно подправить кое-что. Отступы для марки должны быть более узкими. Не использовать столько синего цвета, лучше побольше красного. Купить другой, не такой тяжелый картон. Делать скругленные края, а не оставлять их острыми. Столько требований, что голова кругом. Однако ту партию, что я принесла сегодня, они приняли, хотя и пришлось выслушать немало замечаний.

– Использовать меньше синего? – через некоторое время переспросил Артур.

– Да, заменить его на более яркий и привлекательный красный.

– Так и до амуров дойдет, – почти ворчливо заметил он. – Это только ваше дело, как именно оформлять рисунки, разве нет? Почему они вмешиваются и в эту часть вашей работы?

– Видишь ли, они сказали, что... что это не галерея, а почтовое отделение, и открытки это не шедевры Рубенса, а просто товар, который нужно менять в зависимости от вкусов покупателя. И если уж я хочу продавать открытки и дальше, то нужно мне менять свой подход. Такие дела.

Слышать это было неприятно. Даже не хотелось думать о том, что кто-то говорил с ней в таком тоне. Тем более он, как человек, проработавший не один год и знавший все правила общения с клиентами, был уверен в том, что эти требования просто нелепы. Нельзя во всем идти на поводу у покупателя, тем более, если речь идет о серийном выпуске изделий – всем все равно не угодишь.

– Шедевры Рубенса... точно, скоро они попросят вставить амурчиков или зефирчиков. Боже, что за люди, – вздохнул он.

– Ты видел полотна Рубенса? – даже немного удивившись, спросила она.

– Только репродукции. У Конрада их много осталось – он сохраняет самые интересные себе и развешивает по стенам. Не так давно один из его фотографов побывал в Эрмитаже, привез оттуда кучу снимков разных картин. Рубенса уж очень много на мой взгляд.

– И тебе понравилось?

– Не могу сказать, что я восхищен, но... все же они красивы. Есть в них что-то таинственное, хотя иногда кажется что они не так уж и хороши. Просто слишком много крылатых детей.

Рита улыбнулась.

– Ангелочки были очень важны для него. Они немного смягчали языческие мотивы и делали картины приемлемыми для христиан. Конрад отпечатывает твои фотографии?

– Да. Он славный малый, никогда не отказывает и не задает вопросов.

Некстати вспомнились слова Конрада о «прекрасной даме», и Артур еле удержался, чтобы не испортить момент и не добавить чего-нибудь плохого.

– Поэтому ты и не показываешь другим свою камеру, – понимающе сказала она. – Не хочешь иметь дело с теми, кто задает вопросы.

Он кивнул:

– Не хочу. Очень скоро у нашей кондитерской юбилей, мы пригласим фотографа. Не представляю, сколько ему придется промучиться.

– Скоро?

– Да, уже в марте.

Рита вздохнула:

– Юбилей – это прекрасно. Сколько лет?

– Двадцать. Большую часть этого времени проработала Юдифь, половину этого срока на нашей кухне был я. Остальные только по два или три года.

– И тебе не хотелось бы самому сфотографировать кондитерскую? Ты отдал ей немалую часть жизни, да и Юдифь, кажется, прекрасная женщина.

Артур нахмурился:

– Я не хочу показывать там свою камеру, и вы знаете, почему.

Наверное, стоило быть повежливее, но на этот счет у него имелось свое мнение, которое он не собирался менять.

– Хорошо, я просто спросила. Твое право, поскольку камера тоже только твоя.

– Понимаете, я ведь до этого момента и хранил ее в секрете лишь потому, что так она могла оставаться только моей. А если ею начнут распоряжаться другие люди, камера уже не будет доставлять мне радости, она превратится в нечто вроде плиты – я буду к ней относиться примерно так же.

– Артур, – она остановилась и взяла его за запястье, слегка сжав пальцы в тонких перчатках – ты не должен оправдываться. Я не твоя мать, тебе не нужно объяснять мне причины своих решений.

О, нет, он не считал ее матерью или кем-то наподобие. Скорее, нечто вроде этого он испытывал с Юдифи, но если речь шла о Рите, то он ощущал почтение совершенно иного характера.

– Я просто хочу, чтобы вы правильно меня поняли, – тихо ответил он.

– Что ж, я стараюсь понять тебя, но осуждать или критиковать просто не имею права. Ты ведь взрослый человек, верно?

Она отпустила его руку, и до конца вечера они ходили в полном молчании.

Глава 15

Рита. Амурчики и секретари

Вести переговоры – это была прерогатива Антона, и сама Рита никогда не понимала, как можно простыми словами вынудить человека сделать то, чего он не хочет. До некоторого времени она полагала, что ей не придется сталкиваться с подобными трудностями, поскольку даже после развода не собиралась заниматься бизнесом или финансами. Однако, как выяснилось, без подобных талантов прожить было невозможно.

Навещать почтовое отделение было неприятно, и Рита старалась делать все, чтобы такие визиты проходили как можно быстрее. Она заранее готовила речь, список возможных вопросов, а также приносила с собой несколько новых вариантов открыток. Одеваться приходилось каждый раз во что-то новое, поскольку ей не хотелось, чтобы ее запомнили как «ту толстую женщину в юбке с кофтой».

В первое воскресенье февраля Рита вновь направилась в знакомое здание, чтобы забрать заработанные деньги и оставить новые открытки, над которыми трудилась всю неделю. Свою так называемую зарплату она почти сразу же тратила по дороге домой, закупая продукты на ближайшие дни. По воскресеньям можно было выбирать на рынок, поскольку некоторые магазины не работали, но Рита предпочитала небольшую овощную лавку, открывшуюся недалеко от почты.

Несмотря на то, что она уже несколько недель подряд возвращалась в это место, Рита все еще не могла привыкнуть к странному поведению служащих отделения.

– Добрый день, – вежливо поприветствовала она секретаря.

Девушка равнодушно окинула ее взглядом и отложила в сторону журнал.

– Добрый. Его нет на месте, так что сегодня говорить с вами буду я.

Это было даже хуже, поскольку с женщинами у Риты беседы почти никогда не складывались.

Между тем блондинистая девица открыла верхний ящик секретера, стоявшего за ее спиной, и извлекла конверт, который потом вручила Рите.

– Это ваши деньги. На этой неделе продажа идет очень хорошо, так что мне сказали забрать все, что вы принесете.

– Прекрасно, я как раз приготовила новые открытки.

Она выложила из сумочки несколько собственноручно склеенных конвертов и вынула по одной открытке из каждого.

Девица все также безразлично приняла образцы в свои холеные руки с отполированными ногтями, просмотрела каждую открытку, а потом подняла необычно черные ресницы и одарила Риту почти презрительным взглядом.

– Уже совсем скоро День Святого Валентина, разве вы не знали?

Рита знала, что это за праздник и когда он отмечается другими людьми, но поскольку ей самой еще не приходилось дарить и получать валентинки, она просто пожала плечами.

– У моих открыток нет определенной темы, они подойдут для любого случая.

– Почта работает не так быстро, как хотелось бы, – перебила ее девушка. – Это значит, что клиенты будут отправлять письма всю следующую неделю, чтобы успеть поздравить своих любимых. А у нас ничего нет, и что теперь делать?

Рита сняла шляпу и поправила волосы – опять эта слабость! – она не могла оставаться спокойной.

– Не понимаю, почему в этот праздник нельзя обойтись открытками с цветами и...

– Это же День Святого Валентина! Боже, вы что – совсем ничего не знаете? Нужны ангелочки...

Она едва удержалась, чтобы не прыснуть со смеху. Как говорил Артур? «Так и до амуров дойдет». Нужно будет обрадовать его, рассказать об этом случае.

– Что смешного? – ошетинулась девица, глядя на улыбающееся лицо Риты. – Вы работаете не в магазине, а имеете дело с настоящим почтовым отделением, так что если вы хотите и дальше продавать свои открытки, то придется добавить ангелочков и ленточки. Возможно, даже сердечки.

Теперь ей хотелось завести глаза к потолку, чего она также не сделала.

Вместо этого она вздохнула и вынула из только что полученного конверта деньги, дабы пересчитать купюры, хотя обычно она занималась этим уже в доме – подводила итоги, вытряхивая последние монетки и бумажки.

– Сколько открыток было продано за прошлую неделю? – спросила она, закончив считать.

– Я же сказала – все.

– Все – это те, которые я принесла в прошлое воскресенье и те, что оставались с прошлой партии?

Девушка опять подняла глаза и уставилась на нее так, словно готовилась в следующую минуту броситься на нее с кулаками.

– Да.

– И сколько же это в цифрах? – не унималась Рита. – Если вам так проще, то на прошлой неделе я оставила тридцать штук – по пять из шести видов.

– Я помню.

– Отлично, тогда вы без труда вспомните, сколько оставалось до этого, а затем прибавите это число к тридцати.

– Зачем эти подсчеты?

– Затем, что я изготавливаю открытки и имею право знать.

– На ваших открытках здесь никто не наживает. Вы приносите их без договора, вас просто...

– Пожалели? И кто же меня пожалел? Вы или ваш начальник?

Гнев прорывался изнутри, и она ничего не могла с этим поделать. Сколько можно терпеть подобное обращение? Она послушно следовала всем указаниям, добавляла и убавляла отступы для марок каждую неделю, использовала указанные цвета, наносила блески и даже проделывала отверстия для ленточек. И всю эту работу она выполняла вручную! Неужели за это нельзя отчитаться как положено?

Девица поджала губы и снова прошла по ней взглядом, без слов давая понять, что перед такой уродливой и старой развалиной отчитываться она не собирается.

– Боже, прошу прощения, – прикладывая ладонь ко лбу, притворно раскаялась Рита. – Я зайду во вторник, принесу десять открыток с ангелочками, и тогда, возможно, ваш начальник окажется на месте. Если для более подробной работы нужен договор, то я готова обсудить этот вопрос с ним.

Денег было более чем достаточно – даже купив продукты, которых хватило бы на неделю, она принесла домой солидную сумму. Впервые доход от открыток покрыл расходы на семь дней, а это значило, что работа начинала приносить нормальные деньги. Рита была рада этому, но опасалась того, что сегодняшняя выходка дорого обойдется ей. С другой стороны, она полагала, что может отправиться искать и другое отделение – в городе их было много. Если даже здесь ее открытки оказались подходящими, то почему бы не попробовать с остальными?

Конечно, тогда придется начинать все сначала – подбирать сюжеты, договариваться о цене. С другой стороны, она ведь уже знает все стандарты – размеры марочных окошек, величину самих открыток.

За этими размышлениями она отправилась на кухню, чтобы приготовить обед для Робби.

В последнее время он стал все больше времени проводить со своим другом, и иногда даже забывал об обеде, но по воскресеньям ее мальчик неизменно был дома. Через несколько минут он присоединился к ней на кухне. Ему, как обычно, ничего не пришлось делать, поскольку она не подпускала его к домашней работе.

– Как прошла встреча? – спросил он, усаживаясь за стол и наблюдая за тем, как она очищает картофель.

– Хорошо. Я повздорила с этой девицей, так что, возможно, в следующий раз мне не придется туда идти.

– Но ведь есть же и другие варианты, – осторожно заметил он, видимо, боясь, что она опять заговорит о посудомойстве и прочих «неблагодарных» занятиях.

– Да, есть, – решив подразнить его, для начала согласилась она. – Я могу вновь начать поиски.

– Мы уже об этом говорили, – нахмурился он.

– Разумеется, но ведь нам нужно на что-то жить, дорогой.

– Я могу откладывать деньги...

– ... которые папа дает тебе на учебу. Робби, не стоит этого делать. К тому же, их все равно не хватит – основную сумму он выплачивает сразу в школу, а тебе на карманные расходы отдает то, что остается.

– Но я не хочу, чтобы ты убирала мусор и мыла полы!

– Почему же? Дома я делаю то же самое, причем совершенно бесплатно, а там мне хотя бы денег за это заплатят.

Робби опустил глаза.

– Я имел в виду, что есть и другие почтовые отделения, где, возможно, работают не такие бестолковые секретари.

Рита рассмеялась:

– Робби, ты такой серьезный, просто жуть. Я же шутила, я не собираюсь сейчас же идти и искать другую работу. Поступлю так, как ты и сказал – буду искать другое отделение. Я так решила уже по дороге домой.

Его плечи расслабились, и он даже улыбнулся, что вообще случалось с ним очень редко.

– Ты так часто смеешься в последнее время, – меняя тему, сказал он. – Это необычно.

– Да, – кивнула она. – Я и сама этому удивляюсь. Еще на почте хотелось расхохотаться прямо в лицо этой барышне.

– С чего это вдруг? Ты так сильно разозлилась?

– Нет, что ты, мне действительно было смешно. Когда я рассказывала Артуру о том, что меня постоянно заставляют переделывать открытки, он как-то вскользь предположил, что скоро и ангелочков попросят. И знаешь, что?

– Что? Попросили?

Рита снова рассмеялась – на сей раз заливисто и громко, наверное, даже немного испугав Робби.

– Да, попросили. Скоро день Всех влюбленных, им, видите ли, нужны амурчики.

– И ты согласилась?

– Разве был выбор?

Робби снова нахмурился, что, впрочем, не убавило для нее веселья – она продолжала посмеиваться, возвращаясь к своему картофелю.

– Ты не должна во всем им подчиняться. Какое они имеют право вмешиваться в твоё творчество?

Она остановилась.

– Я согласна с тобой, дорогой, моё творчество касается только меня, но ведь открытки делаются на продажу. А если я хочу, чтобы мою работу ценили и покупали, я должна кое-что менять. Это просто работа, я ведь не пишу картины.

Он тяжело вздохнул и медленно кивнул, поджимая губы. Так он был особенно похож на неё.

– Ты права. Даже Микеланджело не избежал поправок, в то время, когда расписывал Сикстинскую Капеллу.

– Вот видишь, в каждой работе есть свои издержки. По крайней мере, мне не приходится сгребать остатки с чужих тарелок и выбрасывать мусор. Хотя, если честно, такая работа даже благороднее – ты приносишь пользу и знаешь, за что тебе платят.

Робби ничего не сказал, но вся его фигура выражала протест – от самой макушки и гладко зачесанных волос до кончиков напряженно сжатых пальцев.

– Я пойду, посмотрю, не пришел ли отец, – после недолгого молчания сказал он.

– Сегодня вы должны были куда-то идти, – возразила она. – Еще слишком рано.

– Я видел его на днях, возвращаясь из школы, он сказал, что придет к обеду.

Рита прикрыла глаза. До чего же упрямым был Антон. Она едва смогла уговорить его взять Робби с собой в кино или театр, а он уже изменил планы.

Через несколько минут Робби вернулся к ней с новостями:

– Отец уже в гостинной.

– Скажи ему, пусть подождет, обед будет готов только через час, да и то, в лучшем случае.

– Он хочет видеть тебя.

Она наскоро вытерла руки хлопчатым полотенцем, разгладила фартук и направилась в дом. Когда она прошла мимо двери в свою комнату, Робби удивленно остановился.

– Ты не сменишь платье?

Рита покачала головой:

– Мне все равно придется возвращаться на кухню, на переодевание нет времени.

За дверью ее ждал Антон, который, как обычно, стоял возле окна. На нем был красивый серый костюм, черный галстук, парчовый жилет и до блеска начищенные ботинки. Сравнивая его с Артуром, Рита могла точно сказать, что Антон нечасто ходит пешком, в основном передвигаясь на машине. Однако для того чтобы попасть в этот дом, нужно было проехать весь переулок, что сейчас казалось почти невозможным – из-за снежного покрова дорога сузилась, да и вряд ли колеса смогли бы проехать по вязкой массе, которую никто не утрамбовывал и не расчищал уже неделю. Стало быть, ему все же пришлось идти, хоть и недолго.

– Ты хотел поговорить? – мрачно спросила она.

Он повернулся к ней, и даже немного опешил – до того необычным был ее внешний вид. Простое серое платье с закатанными рукавами, немного помятый фартук, стянутые на затылке волосы – такой он ее еще ни разу не видел.

– Да, хотел извиниться. Ты просила, чтобы я взял Робби с собой, но сегодня не вышло.

– Все в порядке, но тебе придется немного подождать – обед еще не готов.

– Дело в том, что я просто не нашел времени подыскать хороший спектакль, а кино я не люблю. Подумал, что мог бы отвезти сына в ресторан, но потом решил, что поесть он может и дома.

– В ресторане подают совершенно другую еду, и тебе это известно, – довольно резко сказала она. – Робби задыхается от своей учебы, ему нужно немного расслабиться. Сама я не могу позволить себе билеты в театр, и потому рассчитывала на тебя, так что если ты сможешь в дальнейшем найти время, это было бы прекрасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.